

Руины Злодеев

*L'anima desidera soltanto lei.
Non importa che sia la distruzione.
Non importa che sia un mostro.*

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Иль Елиг

Иль Елиг

Руины злодеев

«Автор»

2026

Елиг И.

Руины злодеев / И. Елиг — «Автор», 2026

Руна привыкла выживать там, где другие ломались. Ради тех, кого любила, она переступала через собственные принципы, закон и страх. Азель всю жизнь шёл рядом с ней, готовый стать кем угодно, лишь бы однажды вернуть её домой. Их чувства пережили годы разлуки, предательство, жестокость, семейные тайны и потери, но даже любовь не способна стереть последствия прошлого. Когда правда наконец выходит наружу, рушатся не только чужие жизни, но и представления о добре, зле и справедливости. Ведь иногда чудовищами становятся не по собственной воле, а потому, что другого выбора уже не осталось.

© Елиг И., 2026

© Автор, 2026

Иль Елиг

Руины злодеев

Предупреждение:

Книга содержит тяжёлые темы и может быть эмоционально сложной для некоторых читателей.

В произведении присутствуют:

- сцены психологического и эмоционального насилия;
- сексуализированное насилие (упоминается и имеет значение для сюжета);
- физическое насилие;
- похищение;
- убийства и смерть близких;
- тяжёлые психологические травмы;
- посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР);
- суицидальные мысли и кризисные состояния;
- сцены самоповреждающего и рискованного поведения;
- жестокость;
- криминальная тематика;
- нецензурная лексика;
- откровенные сексуальные сцены (18+);
- морально неоднозначные поступки главных героев;
- тяжёлые темы семьи, утраты и горя.

Пролог.

Наконец-то я решилась — впервые за всю свою жизнь не просто подумать о побеге, не просто позволить этой мысли на мгновение коснуться меня среди ночной тишины, а действительно решиться на что-то стоящее, на что-то, сделанное ради самой себя.

Слишком долго я была похожа на крысу, загнанную в стены этого дома, в его бесконечные комнаты, тяжёлые двери и тёмные коридоры, где даже воздух казался пропитанным чужой властью. Я научилась существовать тихо, почти незаметно, появляясь только по ночам, когда весь дом засыпал и никто не мог увидеть меня лишней раз. Научилась жить так, словно меня здесь никогда и не было. И вот теперь я наконец решилась выйти из клетки. Хотя нет. Даже сейчас я вру самой себе, потому что делаю это вовсе не ради себя. Я делаю это ради неё.

Она скоро вернётся. И когда увидит мои раны, никто уже не сможет удержать её гнев. Когда-то давно она уничтожила слишком многое, оставив после себя столько боли и страха, что об этом до сих пор предпочитают говорить шёпотом, но ей всё равно простили. Простили тогда, простят и теперь, потому что таким людям прощают всё, особенно если их боятся достаточно сильно.

Только себя она никогда не прощает. И именно это пугает меня больше всего. Поэтому мне нужно исчезнуть раньше, чем она вернётся. Я знаю, что она будет искать меня по всему острову, поднимет на ноги всех своих людей, перевернёт вверх дном порт, дороги, старые кварталы Бастии и даже забытые рыбацкие деревни у скалистого берега, лишь бы найти меня раньше, чем я успею скрыться достаточно далеко. И всё же я продолжаю цепляться за слабую, почти жалкую надежду, что за время этой погони мои раны хотя бы немного затянутся, перестанут выглядеть так страшно, перестанут напоминать о том, что со мной сделали. Потому что именно они разбудят в ней тот гнев, после которого люди исчезают.

Никто не ждёт от меня побега. Никто даже не представляет, что я вообще способна на подобное, и в этом, наверное, заключается единственное преимущество всей моей жалкой жизни. Я дождусь, пока уснёт дом, затем город, а после и весь остров погрузится в густую ночную тишину, нарушаемую лишь шумом моря и далёкими огнями порта, после чего просто уйду, не взяв с собой почти ничего.

Я не знаю, куда именно побегу и как долго смогу скрываться. Возможно, мне придётся жить среди скал и старых лесных дорог, скрываясь от людей, как дикому зверю. Возможно, удастся добраться до порта и сесть на первый корабль, который увезёт меня отсюда прежде, чем меня найдут. А возможно, у меня ничего не получится. Но остаться здесь я больше не могу.

Наверное, во всей моей жизни есть лишь один настоящий плюс: несмотря на то, что я дочь человека, которому принадлежит почти весь этот остров, меня никто не знает. Меня никогда не показывали людям, не брали с собой на приёмы, не выводили в свет, словно я была чем-то постыдным, чем-то таким, что нужно прятать от чужих глаз как можно дальше. Потому что я всегда была недостойной.

Я надеваю вещи, которые вчера удалось украсть из гардеробной женщины, совсем недавно появившейся в нашей семье. Впрочем, даже она имела в этом доме больше прав, чем я. Да кто угодно имел их больше. Но пропажи она не заметит — или просто не обратит внимания. У таких людей никогда не возникает мысли, что кто-то вроде меня способен тронуть их вещи.

А выбраться отсюда в своих лохмотьях было бы равносильно самоубийству. Даже прислуга здесь не ходит в настолько жалком виде. Поэтому, натянув чёрный спортивный костюм и накинув на голову капюшон, я тихо пробираюсь на кухню, собираю в старый рюкзак еду и наконец начинаю то, о чём думала слишком долго. Свой побег.

Я знаю, как выбраться из этой крепости, переполненной охраной и камерами. Они всегда ждут угрозу снаружи, никогда не замечая, что самое слабое место находится внутри. Когда-то давно она показала мне все пути отхода: как сбежать отсюда, где спрятаны выходы, как связаться с ней в случае опасности. Почти всё, что могло связывать меня с внешним миром, у меня давно отняли, но возможность обратиться к ней всё ещё осталась. Только я не могу этого сделать. Потому что её гнев должен обрушиться на меня, а не на остальных. Меня она простит. Остальных — никогда.

С колотящимся сердцем я спускаюсь в подвал и один за другим набираю коды на металлических дверях. Этим проходом пользуется отец. Точнее, должен был бы воспользоваться, если бы однажды ему пришлось бежать. Хотя люди вроде него никогда не бегут — это от них бегут другие.

Но перед последним выходом наружу всё равно стоят сигнализация и охрана, и у меня есть только один шанс выбраться незамеченной — отвлечь их хотя бы на несколько секунд.

Впрочем, камеры потом всё равно покажут, кто именно сбежал. Сегодня мне плевать. На камеры, на последствия, на то, что будет со мной дальше. На всё.

Я нащупываю под ногами тяжёлый камень и бросаю его так далеко, как только хватает сил. Звук разносится по ночной тишине мгновенно, и оба охранника тут же уходят проверить источник шума. В ту же секунду я бросаюсь к маленькой двери возле ворот. Отец запрещает им курить на территории дома, поэтому этот проход почти всегда остаётся открытым, чтобы они могли выходить наружу незаметно для него самого. И, пробегая мимо, я вдруг чувствую, как сердце болезненно сжимается от мысли, что он убьёт их, когда узнает о моём побеге. Но жалости к ним у меня всё равно нет. Я слишком хорошо знаю, на кого они работают и сколько страшных вещей сделали ради него.

Поэтому я просто бегу. Бегу так быстро, как только могу, не разбирая дороги, не чувствуя холода ночного воздуха, не замечая, как далеко уже ушла от дома. Где-то впереди начинается появляться дорога, редкие огни, запах моря и ощущение свободы, которое я представляла себе столько лет, но мои мысли и душа всё равно остаются далеко позади, среди стен этого проклятого дома.

Я даже не замечаю, в какой момент организм начинает отказывать мне. Грудь разрывает болью так, словно лёгкие вот-вот наполнятся кровью, дыхание становится рваным и тяжёлым, а ноги начинают дрожать всё сильнее с каждым шагом. И когда я наконец останавливаюсь посреди пустой дороги, согнувшись от кашля, с бешено колотящимся сердцем и дрожью во всём теле, то пытаюсь сделать вдох — и не могу.

Сквозь затуманенное сознание и боль, разливающуюся по всему телу, до меня вдруг начинают доходить резкие звуки шин по асфальту. Я застываю. Нужно бежать. Нужно заставить себя снова сорваться с места, пока ещё не поздно, но страх сковывает меня сильнее любых цепей, и я могу лишь стоять посреди дороги, согнувшись и едва удерживаясь на дрожащих ногах. В голове остаётся только одна отчаянная мысль: пусть это будет кто угодно — хоть сам дьявол, — только не отец.

Одна машина резко тормозит прямо передо мной, вторая останавливается сзади, окончательно перекрывая мне путь к бегству. Я медленно выпрямляюсь, чувствуя, как внутри всё холодеет, и жду того, что будет дальше.

Из машин выходят люди в чёрном. На лицах маски, движения спокойные и уверенные, будто происходящее их совсем не тревожит. Они окружают меня молча и без суеты. А потом из темноты за моей спиной раздаётся насмешливый голос:

— Надо же... Отпрыск Серрани сбежала из дома. Или это ночная прогулка, а? Кто бы мог подумать, что мы получим её так легко. Как думаешь, Неро заплатит вдвое больше, если привезём её без единой царапины?

Наконец из темноты выходит и сам обладатель голоса, и в тот же момент остальные следом за ним снимают маски. И только тогда я понимаю, какие они молодые. Возможно мои ровесники.

— Ну что, малышка?.. — с ухмылкой начинает тот, что подошёл ближе, но его тут же перебивает другой голос.

— Осторожнее.

Парень, вышедший из передней машины, делает шаг к нему и смотрит с холодным раздражением.

— Следи за языком и не забывай, кто она такая.

Тот лишь усмехается, но всё же замолкает.

— Нам приказано доставить её так, будто она сделана из стекла, — уже спокойнее продолжает второй, переводя взгляд на меня. — Если с ней что-нибудь случится, нас самих закопают. Поэтому, госпожа Серрани, прошу, пойдёмте с нами и не заставляйте применять силу. Наша задача — доставить вас в нужное место целой и невредимой.

Он протягивает мне руку. А я стою и не знаю, что должна делать. Сказать им всё равно ничего не смогу. Бежать — тоже. И если кому-то настолько важно доставить меня живой и невредимой, значит, пока бояться нечего. Где бы я ни оказалась, она всё равно меня найдёт. Потому что правду о том, как со мной обращались дома, знают лишь единицы. Для всех остальных я всего лишь член семьи Серрани. Неприкасаемая Серрани.

Я медленно сжимаю дрожащие пальцы и сама делаю шаг к машине. Их реакция оказывается почти смешной. Они переглядываются между собой с откровенным недоумением, явно ожидая криков, истерики или попытки сбежать — чего угодно, только не того, что я добровольно пойду с ними. Откуда им знать, что бы они ни приготовили для меня, это всё равно не окажется страшнее того, что я уже пережила.

Пока мы идём к дому, я почти физически ощущаю, как эти парни стараются держаться от меня на расстоянии, словно одно неверное движение с их стороны может обернуться для них катастрофой. И от этого внутри разливается странное облегчение. Значит, они боятся не меня — последствий. Боятся того, что будет, если со мной что-нибудь случится.

Но стоит мне переступить порог дома, как я невольно замираю на месте. Снаружи он выглядит вполне обычным — старый фасад, каменные стены, тёмные окна. Однако внутри всё оказывается почти разрушенным: облупившиеся стены, сырость, голый пол, старая мебель, доживающая свой век среди пыли и полумрака. Дом выглядит так, будто его давно оставили медленно умирать. Прямо как меня. Иронично.

Я перевожу взгляд на парня, который ещё возле машин остановил остальных, и он коротко кивает в сторону единственного стула, стоящего посреди комнаты так одиноко, будто его поставили здесь специально для допросов. Я подхожу и сажусь. И чем дольше наблюдаю за происходящим, тем сильнее понимаю: эти парни здесь не главные. Они слишком напряжены, слишком собраны для людей, которые действительно всё контролируют. Да и никто из настоящей верхушки не поехал бы лично забирать меня посреди ночи. Но мне всё равно становится любопытно, кому именно понадобилось моё похищение. Зачем — догадаться нетрудно. Всё всегда упирается в отца. А вот кому он успел перейти дорогу настолько сильно, что кто-то решился пойти против Серрани, я пока понять не могу.

Двое остаются внутри дома, ещё несколько — снаружи. Напряжение среди них становится почти ощутимым, и вскоре один из парней быстро заходит внутрь.

— Неро приехал.

Этих двух слов оказывается достаточно, чтобы атмосфера в комнате мгновенно изменилась. Интересно. Значит, они его опасаются.

Буквально через минуту на пороге появляется парень, и первое, что он делает, — задерживает взгляд на мне. Я невольно напрягаюсь. Не потому, что он выглядит страшно. Потому что он слишком молод. Почему-то всё это время я ожидала увидеть мужчину намного старше, но он оказывается примерно ровесником остальных. Только совсем другим. Выше, шире в плечах и жестче. В нём нет ни расслабленности, ни показной жестокости — только холодный контроль, от которого становится не по себе. И чем ближе он подходит, тем сильнее я чувствую исходящий от него гнев.

Он останавливается всего в нескольких шагах от меня, и мне приходится слегка поднять голову, чтобы встретиться с ним взглядом.

— Ты знаешь, кто я? — спрашивает он почти сквозь зубы.

Я медленно качаю головой.

— Значит, ты даже не понимаешь, зачем здесь оказалась?

Снова отрицание.

Он усмехается без тени веселья.

— Ну конечно. Откуда принцессе из крепости знать, что происходит в реальном мире.

В его голосе столько презрения, что я едва удерживаюсь, чтобы устало не закатить глаза.
— Я Неро Аркези.

Я знаю, кто они. Все на Корсике знают, кто такие Аркези, Серрани и остальные семьи, державшие этот остров в своих руках задолго до того, как здесь появились современные законы и чужая власть. Здесь всё по-прежнему принадлежит фамилиям. И если Аркези действительно решились похитить меня...

Господи. Если она узнает, кто именно это сделал...

— Ты в курсе, что натворил твой брат? — резко спрашивает Неро.

Я качаю головой.

Я знаю, что мой брат постоянно делает вещи, о которых нормальные люди предпочли бы никогда не слышать, но что произошло на этот раз, понятия не имею. Ему всегда всё сходит с рук, потому что он единственный сын моего отца. Единственный наследник. А на этом острове это значит куда больше, чем человеческая порядочность.

— Этот ублюдок похитил мою сестру, — продолжает Неро, и в этот раз ярость в его голосе становится осязаемой. — И Бог знает, что он с ней сейчас делает. Он решил, что может тронуть её просто потому, что ему так захотелось. Решил, что фамилия Аркези для него ничего не значит. Что вам позволено всё.

Он делает ещё шаг ближе.

— Или ваш отец забыл объяснить своим детям, что на этом острове есть семьи не слабее вашей? Что мы можем раздавить вас точно так же?

Последние слова почти срываются с его губ, и в доме на мгновение воцаряется тяжёлая тишина. Но мне нечего ему ответить. И дело даже не в том, что я не знаю, что сделал мой брат.

Неро несколько секунд просто смотрит на меня, а затем устало проводит рукой по лицу, будто сдерживает себя из последних сил.

— Мы сейчас запишем небольшое видео и отправим его твоему отцу, — наконец произносит он уже спокойнее. — Не переживай, я не собираюсь причинять тебе вред. Я не такой больной ублюдок, как твой брат. Но я сделаю всё, чтобы вернуть свою сестру.

Его взгляд становится тяжелее.

— Мужчин вроде нас можно шантажировать только женщинами. К сожалению.

Последнее слово он произносит с такой неприязнью, будто ненавидит сам факт этого правила.

— Принеси пакет из багажника, — бросает он одному из парней.

Тот молча кивает и быстро выходит из дома.

Должно ли меня пугать то, что я почти не боюсь его? Наверное, должно. Но правда в том, что я вообще больше ничего не боюсь. Ни того, что со мной могут сделать. Ни того, чем всё это закончится. Я словно давно перестала сопротивляться собственной жизни, позволяя ей тащить меня туда, куда она захочет. Впрочем, будто у меня когда-то действительно был выбор.

Между нами повисает тяжёлое молчание, и спустя несколько минут парень возвращается внутрь с небольшим пакетом в руках. Подойдя ко мне, он молча протягивает его. Я беру пакет дрожащими пальцами. Только дрожь эта вовсе не от страха — скорее, от пережитого бега, adrenalina и усталости, от которых тело всё ещё не может прийти в себя. Но стоит мне заглянуть внутрь, как внутри что-то резко холодеет. Ночнушка. Слишком открытая, чтобы её вообще можно было назвать одеждой. Такие вещи носят жёны для своих мужей, как моя мачеха, постоянно пытающаяся добиться от отца хоть капли внимания. И именно в этот момент во мне впервые просыпается настоящий страх. Не страх смерти и боли. Я боюсь совсем другого. Того, что мужчины могут сделать с женщиной. Даже мысленно я не могу произнести это до конца.

Наверное, что-то всё же отражается на моём лице, потому что Неро вдруг смотрит на меня внимательнее и уже спокойнее произносит:

— Я же сказал, я не такой ублюдок, как твой брат. Я не собираюсь причинять тебе вред. Мне нужно только, чтобы ты надела это, и чтобы я снял короткое видео для него. Как только этот ублюдок вернёт мою сестру, ты целой и невредимой вернёшься домой.

Он говорит уверенно. Настолько уверенно, что какая-то часть меня действительно начинает ему верить. Я медленно оглядываюсь по сторонам.

— Мы выйдем. У тебя пять минут.

После этих слов они действительно все покидают комнату, оставляя меня одну. И только тогда я вспоминаю о синяках и ссадинах. О тёмных пятнах на коже, которые прячутся под одеждой. Их нет на лице и руках — отец всегда следил за этим слишком тщательно, — но всё остальное тело...

Я судорожно закрываю глаза. Почему-то я действительно верю, что Неро меня не тронет. Не позволит никому из них сделать что-то подобное. Они не такие. По крайней мере, мне хочется в это верить. Но я не хочу видеть выражение их лиц, когда они увидят моё тело. Не хочу видеть жалость. И всё же выбора у меня нет. Я не могу объяснить им, почему не хочу переодеваться. Им всё равно. Для них важна только сестра Неро. Всё остальное — не имеет значения. Поэтому, с трудом заставив себя пошевелиться, я начинаю переодеваться, чувствуя, как глаза против воли наполняются слезами от унижения. От того, что мне снова приходится расплачиваться за чужие грехи.

Я аккуратно складываю одежду на стуле, словно она мне ещё понадобится, словно после этой ночи вообще останется что-то прежнее, а затем медленно поднимаюсь на ноги. Босая и почти голая. Потому что тонкая ткань ночнушки практически ничего не скрывает. Синяки и потемневшие следы на теле проступают даже сквозь полумрак комнаты, уродуя кожу под этим жалким клочком ткани, который кто-то посмел назвать одеждой.

Через некоторое время за дверью раздаётся голос Неро:

— Ты готова?

Но я не могу ответить. Стыд душит меня так сильно, словно виновата во всём именно я.

— Ты готова? — уже жёстче повторяет он. — Если не ответишь, я войду.

Я снова молчу. И спустя секунду дверь всё-таки открывается.

— Почему ты игнори...

Он резко замолкает прямо на полуслове. Недоумение на его лице сменяется шоком, а затем чем-то похожим на ужас. Его взгляд медленно скользит по моему телу, задерживаясь на каждом синяке, на каждой ране, которые я так отчаянно пыталась скрыть. А я просто стою и молча смотрю в его суровое, красивое лицо. И единственное, чего я сейчас действительно не хочу, — чтобы он начал меня жалеть.

Ощущение такое, будто Неро разглядывает меня целую вечность. Тишину внезапно разрывает шум шагов.

— Неро... Неро, кажется, приехал Азель, — быстро произносит один из парней, вбегая внутрь.

— Не кажется. Это его машина, — тут же отвечает второй, но, заметив выражение лица Неро, оба наконец переводят взгляды на меня.

Теперь уже они смотрят на меня так же, как до этого смотрел Неро, — словно перед ними не человек, а что-то искалеченное и неправильное, чего они совершенно не ожидали увидеть.

Азель. Вот о чём я думаю в этот момент. Имя знакомый. Не только имя — сам человек. Хотя лично мы никогда не встречались, я слишком много слышала о семье Аркези, чтобы не знать старшего брата Неро. И почему-то сейчас единственное, на что я надеюсь, — что он не имеет ко всему этому отношения.

— Это точно Сerrани? — тихо спрашивает один из парней.

— Да, Неро же поднял на неё всю информацию. Даже фотографии были.

— Тогда что, блядь, с ней произошло?.. Почему она выглядит так, будто пережила войну?

Они говорят обо мне так, словно меня здесь нет.

Я снова медленно поднимаю взгляд. Неро всё так же стоит напротив, не двигаясь, и смотрит на меня каким-то тяжёлым, нечитаемым взглядом, пока остальные вполголоса обсуждают моё тело и синяки.

— Неро.

Новый голос раздаётся резко, почти как удар. Глубокий и жёсткий. Такой, от которого внутри всё невольно сжимается. Я вздрагиваю. А затем он входит внутрь. Азель. Наверное, раньше я никогда не видела его вживую, но сразу понимаю, кто передо мной. В нём слишком много от Аркези: та же опасная сдержанность, тот же тяжёлый взгляд, та же тихая власть, от которой остальные инстинктивно начинают напрягаться.

И первое, что делает Азель, — смотрит не мне в лицо. На моё тело. На следы чужой жестокости, которые уже невозможно скрыть. На мгновение его лицо застывает. А потом он резко хватается Неро за воротник. Только сейчас я понимаю, насколько они похожи. Неро словно младшая, более импульсивная версия Азеля — те же черты лица, только у старшего брата они жёстче, холоднее и будто вырезаны из камня.

— Неро, — произносит он тихо.

Всего одно слово. Но в нём столько сдерживаемой ярости, что у меня по коже проходит холод. Будто этим тоном он одновременно обещает брату смерть и требует объяснений.

Неро лишь смотрит на него в ответ и едва заметно наклоняет голову, словно этим движением пытается сказать всё без слов.

— Мы бы никогда её не тронули, — быстро вмешивается тот парень, который ещё раньше остановил остальных возле машин.

— А вы вообще заткнитесь, — резко бросает Азель, даже не посмотрев в их сторону. — С вами я потом разберусь.

И только после этого он вновь переводит взгляд на меня.

— С тобой всё в порядке?

Я осторожно киваю.

— Кто-нибудь из этих ублюдков тебя тронул?

В этот момент Неро резко поднимает взгляд на брата, словно его задевает сам факт этого вопроса.

Я быстро качаю головой.

— Они сделали тебе больно? Хоть как-нибудь? Скажи мне честно.

И я снова отрицательно мотаю головой.

Азель резко проводит рукой по лицу и тихо выдыхает сквозь зубы:

— Блядь, Неро... Почему ты никогда не думаешь головой? И как мне теперь разгребать всё это дерьмо?

— А тебя не волнует, что её грёбанный брат украл нашу сестру? — срывается Неро. — Я пытаюсь вернуть её!

Азель резко переводит на него взгляд.

— Если бы ты хоть иногда слушал меня, а не бросался делать всё по-своему, то знал бы, что нашу сестру никто не похищал.

В комнате мгновенно становится тихо.

— Что?.. — Неро даже отступает назад. — Не может быть.

— Может. Она сама звонила мне по видеосвязи. Счастливая, — с плохо скрываемым раздражением отвечает Азель. — Рассказывала, как влюблена и как мы все должны оставить её в покое.

Он зло усмехается.

— Конечно, она не могла выбрать кого-нибудь нормального. Нет, ей обязательно понадобился самый конченный ублюдок на этом острове.

Азель делает короткую паузу, после чего мрачно добавляет:

— Хотя нет. Второй самый конченный. Потому что первое место всё ещё занимает его отец.

После этих слов он бросает на меня быстрый, осторожный взгляд, будто проверяя реакцию на оскорбление в сторону моей семьи. Но мне всё равно. Это меньшее, что они заслужили.

— Одевайся.

Азель бросает это в мою сторону коротко и почти сразу выталкивает остальных парней за дверь, оставляя меня одну.

Несколько секунд я продолжаю стоять неподвижно, всё ещё пытаюсь прийти в себя после его взгляда, после выражения ужаса на лицах этих людей, после собственного унижения, а потом медленно начинаю натягивать обратно одежду.

И всё это время у меня в голове крутится только одна мысль. Неужели кто-то действительно влюбился в моего брата? Не просто кто-то. Девушка из семьи вроде Аркези. Это кажется почти невозможным и сказочным. Хотя, возможно, она просто ещё не понимает, кем он является на самом деле. Люди вроде моего брата умеют очаровывать, когда хотят. Умеют казаться внимательными, красивыми, опасными в той манере, которая почему-то притягивает некоторых женщин сильнее здравого смысла. Но ничем хорошим это не закончится. Мой брат никогда не был хорошим человеком и никогда им не станет.

Пока я заканчиваю одеваться, снаружи до меня доносятся мужские голоса. Точнее, уже не разговор — спор, постепенно переходящий в крики. Я медленно подхожу к двери и выхожу наружу.

— Вообще-то мы нашли её посреди дороги, — раздражённо говорит Неро. — Посмотри, во что она была одета, и на этот рюкзак. Может, она вообще сама сбежала из дома.

Азель тяжело выдыхает, явно пытаюсь сохранить остатки терпения.

— Никто ведь не знает, что она сбежала. — Неугомонно продолжает Неро. — Мы не вытаскивали её из дома Серрани, не вламывались туда с оружием. Мы просто вернём её обратно, и всё. Никто ничего не узнает.

После этих слов он переводит взгляд на меня. Уже спокойнее.

— И она будет хорошей девочкой и никому ничего не расскажет, чтобы не создавать проблем. Да, принцесса?

Я молчу, но всё же осторожно киваю.

— И вообще, я не считаю, что поступил неправильно, — снова начинает Неро. — Наша идиотка, может, и влюбилась, но какое этот ублюдок Серрани имел право увозить её без нашего ведома? Как будто мы никто.

— Это всё равно не давало тебе права устраивать похищение! — резко бросает Азель.

— Да ладно тебе...

— Да заткнись ты уже!

Голос Азеля звучит настолько жёстко, что остальные парни почти одновременно делают шаг назад, инстинктивно отступая ближе к машинам. И только Неро остаётся стоять на месте, будто давно привык к вспышкам ярости старшего брата.

В этот момент у Азеля звонит телефон.

— Что ещё, блядь, среди ночи?.. — раздражённо бросает он, доставая мобильный из кармана.

Но стоит ему посмотреть на экран, как выражение его лица неожиданно меняется. Становится мягче.

Он отвечает другим голосом.

— Да... Да, она здесь. Целая и невредимая. По крайней мере, с нашей стороны.

На этих словах он коротко смотрит на меня, и я невольно отвожу взгляд.

Несколько секунд он молча слушает собеседника, а потом устало проводит рукой по затылку.

— Думаю, тебе лучше самой спросить у неё.

Пауза.

— Я заберу её к нам домой. Можешь приехать за ней туда.

Снова пауза.

— Я сказал что заберу ее домой! И передам только тебе! — Зло бросает он.

После этого он отключает звонок. А у меня внутри всё резко холодеет. Он собирается вернуть меня. Только кому? Если отец узнает, что я пыталась сбежать, мне этого не пережить.

— Пойдём, — уже спокойнее говорит Азель. — Тебя заберут из нашего дома лично. Но это будет только утром.

И после короткой паузы неожиданно мягко добавляет:

— Хорошо?

Я смотрю на него несколько секунд, а потом медленно киваю.

Я сижу на заднем сиденье машины, пока Азель ведёт нас по ночной дороге, а рядом с ним, на пассажирском сиденье, развалился Неро. Ещё две машины едут следом, не отставая ни на метр, будто даже сейчас меня продолжают сопровождать под усиленной охраной. В салоне стоит почти мёртвая тишина. Почти — потому что время от времени Неро всё же не выдерживает и начинает вполголоса ругаться, сначала на собственную сестру, а затем ещё хуже — на моего брата. И, как ни странно, это даже вызывает у меня слабую внутреннюю улыбку. Потому что я впервые вижу мужчин, которые, несмотря на гнев, всё ещё пытаются мыслить здраво. Но не она. Если всё, что сказал Азель, правда, то его сестра действительно сошла с ума от любви к моему брату.

Я осторожно перевожу взгляд на Азеля. Всё это время он почти не разговаривает со мной, лишь иногда коротко смотрит через зеркало заднего вида, будто постоянно проверяет, всё ли со мной в порядке. И где-то глубоко внутри у меня начинает шевелиться мысль: он знает. Знает о том, что происходит у меня дома. Иначе невозможно объяснить, почему он так осторожен со мной. Но спрашивать я, конечно, не стану.

Вскоре машины начинают замедляться, и впереди появляется огромный особняк. Наверное, это и есть дом Аркези. И он ничем не уступает дому моего отца. Даже наоборот — здесь всё выглядит живым. Не холодной демонстрацией власти, а местом, в котором действительно кто-то живёт. Хотя слово «дом» всё равно вызывает у меня странное чувство. Потому что место, где выросла я, никогда не было моим домом. Только красивой клеткой. Или камерой, замаскированной под роскошь.

Когда машина останавливается, я медленно выбираюсь наружу и на мгновение теряюсь среди мужчин и света фонарей, но постепенно остальные расходятся, оставляя рядом со мной только Азеля и Неро.

Поднимаясь к дому по каменной дорожке, я невольно оглядываюсь по сторонам. Сад, беседка, аккуратно подстриженные деревья. А чуть дальше — большая детская площадка. И от одного её вида внутри что-то болезненно сжимается. Я невольно улыбаюсь. Значит, где-то детей всё-таки любят. В детстве мне подобное могло только сниться.

Как только мы подходим к дверям, их почти сразу открывает прислуга. Нас приветствуют спокойно, без лишних вопросов, будто подобные ночные приезды здесь совершенно обычное дело. Азель коротко указывает мне рукой внутрь, предлагая пройти первой. Я неуверенно переступаю порог, делая медленные шаги, а он идёт чуть впереди, время от времени оборачиваясь, чтобы убедиться, что я продолжаю идти за ним.

Внутри дом оказывается ещё больше, чем выглядел снаружи. Огромная гостиная с длинным диваном, несколько уровней пола, широкая лестница, деревянный балкон наверху, мас-

сивный стол в глубине комнаты, многочисленные двери, мягкий свет и тишина, в которой нет привычного мне напряжения.

Всё здесь выглядит очень дорогим, но без показной роскоши. Совсем не так, как у моей мачехи, пытающейся превратить дом в музей дорогих вещей, лишь бы окружающие видели, сколько денег она может потратить.

— Присаживайся, — прерывает мои мысли Азель.

Я медленно опускаюсь на диван, на который он указывает.

— До утра ещё несколько часов. Если хочешь, можешь поспать в гостевой комнате или поесть. Что тебе нужно?

Он спрашивает это так спокойно и заботливо, что я резко качаю головой почти раньше, чем успеваю подумать.

— Ты хочешь остаться здесь?

Я снова киваю.

Он ничего не говорит, и именно в этот момент я окончательно понимаю: он знает о моей особенности. О том, почему я не разговариваю.

— А с кем ты говорил? — вдруг спрашивает Неро.

— С человеком, который может уладить эту ситуацию без войны между семьями, — раздражённо отвечает Азель.

Неро усмехается.

— И вокруг Серрани есть такие люди?

Азель бросает на него тяжёлый взгляд.

— Вокруг тебя есть я, который всю жизнь разгребает твоё дерьмо. Этого недостаточно?

Неро тяжело вздыхает и буквально падает на диван напротив меня. А потом снова начинает разглядывать меня с тем же странным любопытством.

— Я хочу спать, — бормочет он, не отводя от меня взгляда.

— Тогда закрой рот и сиди спокойно, — холодно отвечает Азель. — Если ей что-нибудь понадобится — сделай это сразу. Не разговаривай с ней лишний раз, не беси её и даже не вздумай трогать. Просто сиди здесь. Мне нужно сделать несколько звонков.

После этих слов он уходит, оставляя нас вдвоём.

Неро запрокидывает голову назад и устало выдыхает.

— Я не спорю с братом, — лениво произносит он. — Но очень надеюсь, что у тебя внезапно не начнутся истерики. В этом доме дети, и их не нужно пугать.

Я лишь медленно качаю головой.

Даже если бы захотела устроить истерику, у меня всё равно ничего бы не получилось. Эта часть меня давно умерла.

Я осторожно укладываю голову на подлокотник дивана, пытаюсь хоть немного расслабиться, но внимательный, изучающий взгляд Неро всё равно не даёт мне покоя. Поэтому спустя несколько секунд я просто закрываю глаза.

— А кто это?..

— И почему она спит здесь?..

Мягкие детские голоса врываются в сон так неожиданно, что я вздрагиваю и резко открываю глаза. Первые секунды я вообще не понимаю, где нахожусь, но затем память медленно возвращается вместе с тяжёлым ощущением реальности. Дом Аркези. Я заснула прямо у них в гостиной. От этой мысли внутри сразу поднимается неловкость.

Я быстро выпрямляюсь, провожу ладонью по лицу, пытаюсь окончательно прийти в себя, и только после этого замечаю стоящих передо мной детей. Точнее, двух одинаковых маленьких девочек. Им, наверное, лет семь или восемь. Не больше.

Я медленно оглядываюсь по сторонам. Неро сидит в кресле с таким видом, будто сам только недавно проснулся. Азель стоит возле стола, где прислуга уже расставляет завтрак, а напротив меня на диване сидит молодая женщина. И смотрит на меня так, словно я одним своим присутствием испортила её утро. Красивое лицо. Идеально уложенные волосы. Дорогая одежда. Высокомерие, вьёвшееся в каждое движение. И только сейчас я замечаю, насколько девочки похожи на неё. Должно быть это...

— Забери девочек, Ливиан, — сразу произносит Азель.

— Почему это? Мы всегда завтракаем вместе, — отвечает она, продолжая смотреть на меня с плохо скрываемым презрением.

— Я сказал, забери девочек.

На этот раз в голосе Азеля появляется раздражение, и я невольно задерживаю на нём взгляд. Он смотрит на неё без капли тепла и любви. Так смотрят на человека, с которым давно связывает лишь необходимость, привычка или фамилия.

— Невестка, ну не начинай с утра, — устало вмешивается Неро.

Значит, я всё же не ошиблась. Это жена Азеля.

— И не подумаю, — холодно отвечает Ливиан.

Затем она переводит взгляд на прислугу:

— Миранда, уведи девочек. Покорми их и займи чем-нибудь.

Прислуга тут же кивает и подходит к детям, но те даже не собираются уходить.

— Ну ма-ам...

— Мы хотим познакомиться с ней!

— У нас дома никогда не было незнакомых девушек!

— Кто она?

— А почему она молчит?

Они начинают перебивать друг друга, с любопытством разглядывая меня, а я всё сильнее теряюсь под этим вниманием.

— Девочки, — предупреждающе произносит Неро.

Но они полностью его игнорируют.

Одна из девочек вдруг подходит ближе и осторожно касается моих волос.

— У тебя красивые волосы...

Я настолько не ожидаю этого прикосновения, что невольно отшатываюсь глубже в угол дивана.

— Девочки, — уже жёстче говорит Азель.

Но даже его голос не пугает их по-настоящему. Они лишь продолжают смотреть на меня с тем детским любопытством, которое ещё не умеет быть осторожным.

— Девочки, пойдёте играть, — снова пытается увести их Миранда.

— Нет! Мы хотим поговорить с ней!

И тогда наконец голос подаёт Ливиан:

— Она немая. Всё равно не сможет с вами разговаривать. Уйдите.

Последнее слово она произносит уже с нажимом. И только после этого девочки нехотя слушаются. А я тяжело сглатываю.

Да, я знаю, кто я. Знаю, что не могу говорить. Но каждый раз, когда кто-то вот так бросает это мне в лицо, внутри всё равно что-то болезненно сжимается. Будто меня снова лишают чего-то человеческого.

Азель бросает на жену тяжёлый, полный неприязни взгляд. А Неро медленно переводит глаза с неё на меня, затем на брата — и в этот момент я вижу, как до него наконец доходит, почему за всё это время он не услышал от меня ни единого слова.

— Мистер Азель, она приехала.

Один из охранников заходит внутрь почти сразу после того, как девочек уводят из гостиной.

И я замечаю, как Азель мгновенно напрягается. Даже оживляется немного, будто ждал этого момента всё утро. Он коротко кивает охраннику, а у меня внутри в ту же секунду всё холодеет. Он сказал «она». Как?..

— Кто это? — раздражённо вмешивается Ливиан, явно недовольная тем, что в её доме продолжают происходить вещи, о которых она ничего не знает.

— Её сумасшедшая сестра, — с усмешкой отвечает Неро.

И тут же ловит на себе уничтожающий взгляд Азеля.

А у меня сердце буквально проваливается куда-то вниз. Это худшее, что только могло случиться. Лучше бы меня действительно вернули отцу. Лучше бы он сам избил меня за побег. Потому что моя сестра...

Моя сестра страшнее. Она как спящий вулкан — внешне спокойный, прекрасный, но способный в один момент уничтожить всё вокруг, пока остальные даже не успеют понять, что произошло.

Я слышу приближающийся стук каблуков и медленно поднимаюсь на дрожащих ногах. Она единственная, кто всегда заботился обо мне. Единственная, кого я вообще могу назвать своей семьёй. Но проблема в том, что она никогда не была человеком, способным оставаться в тени или быть для кого-то второстепенной фигурой. Нет. Такие люди, как она, всегда оказываются в центре всего — любви, восхищения, страха, хаоса.

И сейчас она приехала сюда ради меня. От этой мысли мне становится только хуже. Потому что я слишком хорошо знаю, на что она способна, когда ей больно.

Шаги становятся ближе. И спустя мгновение она наконец появляется в дверях гостиной. Красивая, высокая, безупречно прямая, словно весь мир обязан расступаться перед ней. И одновременно — самая любящая из всех людей, которых я когда-либо знала.

Руна Серрани.

**«Всё, что делается из любви, совершается по ту сторону добра и зла.
»**

Фридрих Ницше
Глава 1 - Руна

Люди всегда пытались сделать из меня либо чудовище, либо легенду. Что угодно, лишь бы не признавать очевидное: я просто человек, которого слишком много раз пытались сло-

мать. Наверное, в этом и была их главная ошибка. Слабых людей боль уничтожает. Сильных — создаёт.

Я никогда не стремилась быть хорошей. Не стремилась быть правильной, удобной или понятной для окружающих. Меня не интересуют чужие моральные ориентиры, потому что жизнь слишком рано показала мне, насколько они лицемерны. Люди готовы говорить о благородстве ровно до того момента, пока им не приходится выбирать между собственной выгодой и чужой болью. А потом внезапно оказывается, что у каждого есть причина предать, соврать или переступить через другого человека. Поэтому я давно перестала притворяться лучше, чем есть.

Да, я эгоистична. Да, опасна. Да, способна разрушить чужую жизнь, если человек этого заслуживает. И, возможно, во мне действительно слишком много жестокости для женщины, но мир сам сделал меня такой. Не потому что я родилась сломанной. Потому что мне пришлось научиться выживать среди людей, которые всегда воспринимали доброту как слабость.

И всё же, вопреки всему, во мне осталось то, что я так и не позволила этому миру отнять окончательно. Есть люди, которых я люблю по-настоящему. Не так, как любят нормальные люди — мягко, спокойно и безопасно. Моя любовь всегда была другой. Слишком сильной и разрушительной. Такой, ради которой я способна устроить конец света и даже не пожалеть об этом.

Именно поэтому я до сих пор не сошла с ума окончательно. Потому что, пока у человека есть хоть кто-то, ради кого он готов остановиться посреди собственного хаоса, внутри него ещё остаётся что-то человеческое. Хотя, возможно, в моём случае это уже спорный вопрос.

Я слишком долго жила только ради своих целей. Настолько долго, что в какой-то момент перестала понимать, где заканчивается моя одержимость и начинаюсь я сама. Цели держали меня на плаву, давали смысл просыпаться по утрам, дышать, двигаться вперёд, не позволяя окончательно утонуть в скуке и пустоте. Потому что мир без целей для меня невыносимо пустой. Люди вокруг — предсказуемые. Их желания — примитивные. Их страхи — скучные. Даже опасность больше не вызывает прежнего азарта. Всё стало слишком простым, слишком понятным, слишком... мёртвым.

И именно тогда мне в голову пришла мысль, которая, наверное, должна была бы напугать нормального человека. А что, если сыграть честно? Без контроля, гарантий, без уверенности в собственной победе.

Я медленно прокручиваю барабан револьвера, наблюдая, как металл поблёскивает в полумраке комнаты, и невольно улыбаюсь собственному отражению. Красиво. Есть что-то удивительно притягательное в моменте, когда между жизнью и смертью остаётся всего одно движение пальца. Если сегодня всё закончится — значит, так тому и быть. Но если нет...

Тогда, возможно, этот мир наконец снова станет мне интересен.

Я нажимаю на курок, не отрывая взгляда от собственного отражения в зеркале, прямо в свои давно мёртвые глаза, в которых уже слишком давно не осталось ни страха, ни сомнений, ни чего-либо по-настоящему живого. Но выстрела не происходит. Лишь сухой щелчок эхом расходится по комнате, и я медленно усмехаюсь, продолжая смотреть на себя так, будто всё это было заранее предрешено. Снова. Смерть опять меня не забрала. Что ж, значит, умереть придётся кому-то другому.

Я спокойно опускаю револьвер, беру со стола телефон и набираю нужный номер, даже не пытаюсь скрыть раздражение от того, что мне снова приходится возвращаться туда, откуда я так старательно пыталась держаться подальше.

— Пусть самолёт будет готов. И если хоть кто-то узнает, что я возвращаюсь на Корсику раньше времени, я лично утоплю вас в море.

Мой голос звучит ровно и холодно, без единой эмоции, после чего я сразу отключаюсь, не оставляя человеку на том конце возможности ответить.

Пора домой. Хотя домом это место никогда не было. Скорее красивой обителью сатаны, завернутой в роскошь, власть и фамильное влияние. Единственная причина, по которой я до сих пор не сожгла это место вместе со всеми его тайнами и людьми внутри, — Дани. Моя маленькая принцесса. Единственный человек в этой семье, которого я действительно люблю так сильно, что это до сих пор не даёт мне окончательно превратиться в чудовище.

Нам обеим не повезло родиться Серрани, но ей досталось куда больше, чем мне. Иногда мне кажется, что этот дом ломал её с самого детства просто потому, что она оказалась слишком мягкой, слишком светлой и слишком живой для места вроде нашего. И именно поэтому последние несколько лет я буквально считаю дни до её совершеннолетия, чтобы наконец забрать её оттуда и больше никогда не позволить никому даже приблизиться к ней. А потом, возможно, я действительно сожгу этот проклятый дом дотла и с удовольствием посмотрю, как вместе с ним горит всё, что отец так отчаянно пытается назвать своей империей.

Я подхватываю сумку, закидываю внутрь револьвер и выхожу из номера отеля. Хотя, если быть честной, в этом есть и кое-что приятное. Отец. Точнее, выражение его лица, когда он поймёт, что я снова на Корсике. Особенно теперь, когда после смерти матери её фамилия, связи и влияние официально перешли ко мне, сделав меня куда более значимой фигурой, чем ему хотелось бы. Иронично, но в какой-то момент имя моей матери стало весить на этом острове намного больше, чем фамилия Серрани. А отец всегда ненавидел чувствовать, что кто-то способен стоять выше него. Особенно собственная дочь.

Стоит дверям лифта открыться, как рядом со мной почти сразу появляется Нэнси, легко подстраиваясь под мой шаг. Найти по-настоящему преданного человека сложно. Найти женщину, которая не станет тебе завидовать, — почти невозможно. Но Нэнси уже давно доказала, что ей я могу доверять иногда даже больше, чем самой себе.

— Мистер Аркези очень настойчиво просит, чтобы вы взяли трубку, — осторожно произносит она, внимательно наблюдая за моей реакцией.

— Пусть идёт к чёрту. Или к своей жене.

Я отвечаю равнодушно, даже не замедляя шага, но Нэнси не отступает, и это мгновенно заставляет меня насторожиться.

— Он сказал, что это касается вашей сестры.

Я резко останавливаюсь. Мир вокруг будто на секунду затихает, а внутри меня поднимается то самое чувство, которое я ненавижу больше всего — тревога. Потому что всё, что связано с Дани, автоматически становится моей слабостью.

Медленно повернув голову к Нэнси, я несколько секунд смотрю на неё, а потом без единого слова выхватываю телефон и сама набираю этого ублюдка.

Значит, мой глупый брат решил развлечься с дочерью Аркези. Надо же. Интересно, он вообще понимает, что будет, если однажды наиграется и просто выбросит её из своей жизни,

как делал со всеми остальными? Хотя нет. Конечно понимает. Он далеко не идиот. Просто привык жить с ощущением собственной безнаказанности, потому что слишком много лет ему всё сходило с рук. Отец всегда закрывал глаза на его выходки, на грязь, которую он оставлял после себя, на разрушенные жизни и скандалы, которые приходилось убирать за ним другим людям. Но даже у такого человека, как наш отец, однажды закончится терпение. Хотя...

Есть только один человек, которому он действительно способен простить абсолютно всё. Я. И дело вовсе не в любви. Люди вроде него вообще не умеют любить нормально. Просто я слишком похожа на него самого, а такие мужчины всегда особенно бережно относятся к собственному отражению. Я раздражённо прикрываю глаза, откидывая голову на спинку сиденья.

Чёрт. Теперь не получится сделать Дани сюрприз. Она наверняка уже знает, что я вернулась на Корсику. Наверное, сидит сейчас в доме Аркези и ждёт меня испуганная и растерянная. Я слишком хорошо знаю Азеля, чтобы переживать о её безопасности. Что бы между нами ни происходило, он никогда не позволит причинить ей вред.

Но есть кое-что, что не даёт мне покоя. Как им вообще удалось забрать её? Дани не из тех, кто просто выходит ночью на прогулку или позволяет чужим людям приблизиться к себе. Она боится собственного отражения, не то что незнакомцев. Так как, чёрт возьми, Неро вообще сумел вывезти её оттуда?

Я медленно усмехаюсь, чувствуя знакомое предвкушение. Надо же... этот малолетний ублюдок действительно посмел тронуть мою сестру. Впрочем, все ответы я пойму сразу, как только увижу Дани. Мне хватит одного её взгляда, одного движения, одного выражения лица. И если хоть что-то в этой ситуации мне не понравится...

Я сожгу к чёртовой матери весь дом Аркези вместе с его прекрасными стенами, дорогой мебелью и всеми обитателями внутри. Потому что Дани — единственное по-настоящему слабое место, которое у меня есть. И Азель это прекрасно знает.

Этот ублюдок ведь специально попросил, чтобы я забрала её лично из его дома. Специально сделал так, чтобы я сама приехала к нему. Чтобы снова появилась в его доме после стольких лет. Сукин сын.

Он единственный человек в моей жизни, которого я так и не смогла подчинить себе полностью. С самого детства. Единственный мужчина, который никогда мне не уступал, никогда не смотрел на меня снизу вверх и никогда не позволял превратить себя в очередную игрушку. Я могу надавить даже на собственного отца, могу заставить других людей склонить головы или изменить решения, но не Азеля Аркези. Никогда не его.

Машина плавно скользит по ночной дороге от аэропорта, а я смотрю в окно на Корсику — остров, который со стороны кажется почти идеальным. Для внешнего мира это место старых денег, влиятельных семей и безупречных бизнесменов, зарабатывающих состояние честным путём и поддерживающих порядок лучше любого правительства. И в каком-то смысле это даже правда. Проблема лишь в том, что мир никогда не видит, какими становятся люди, когда могут позволить себе абсолютно всё. Потому что в какой-то момент власть, деньги и безнаказанность перестают приносить удовольствие. И тогда некоторым начинает хотеться чего-то другого. Чего-то темнее, жестче, опаснее. Иногда люди с идеальной репутацией оказываются самыми больными из всех возможных чудовищ.

Машина заезжает за ворота особняка Аркези, и я медленно выхожу наружу, чувствуя, как по телу разливается неприятное, почти забытое ощущение. Когда-то я любила это место больше собственного дома. Когда-то мне здесь было легче дышать. Но сейчас при одном взгляде на этот особняк внутри поднимается только что-то болезненно похожее на ненависть. Я едва заметно качаю головой, не позволяя старым воспоминаниям снова взять надо мной верх, а затем уверенно направляюсь к дому, громко отбивая каблуками шаги по каменной дорожке.

Стоит мне переступить порог, как на меня сразу обрушиваются взгляды всех, кто находится в гостиной. Но я почти никого не замечаю. Потому что первым делом встречаюсь гла-

зами вовсе не с Дани, а с ним. С его медовыми, бездонными глазами, которые за столько лет так и не научились смотреть на меня равнодушно. И сколько бы времени ни проходило между нашими встречами, сколько бы боли, злости или ненависти ни вставало между нами, взгляд Азеля никогда не меняется. И я ненавижу себя за то, что моя проклятая душа до сих пор выделяет его среди всех остальных. Всегда.

Лишь спустя несколько секунд я перевожу взгляд на Дани. Она тут же хочет подойти ко мне, почти бросается вперёд с этим своим трогательным желанием обнять меня, но я останавливаю её лёгким движением руки. Не сейчас. Сначала я разберусь с теми, кто посмел её тронуть.

Я медленно подхожу к Неро, и раздражение внутри лишь усиливается от того, насколько он похож на своего брата. Будто младшая, более вспыльчивая версия Азеля. Те же черты лица, та же опасная осанка, тот же взгляд человека, выросшего среди власти. Только глаза другие — ярко-голубые, почти ледяные.

— Насколько мне известно, — начинаю я спокойно, хотя внутри уже медленно закипает злость, — твоя сестра по собственному желанию сейчас отдыхает с моим братом. Тогда какого чёрта ты посмел тронуть мою сестру?

Не знаю, что именно слышится в моём голосе и отражается на лице, но Неро всё-таки слегка напрягается. И это неожиданно вызывает во мне почти удовлетворение.

— Я не знал, что моя сестра с ним добровольно, — отвечает он ровно. — Я хотел вернуть её и отомстить вашему брату. Но даже в этой ситуации никто из нас не собирался причинять вред вашей сестре. К сожалению, о правде я узнал слишком поздно. Тогда Дани уже была здесь.

— Тебя не учили сначала разбираться в ситуации, а уже потом действовать? — продолжаю я холодно. — Или импульсивность теперь считается нормой в семьях вроде вашей?

— Я извиняюсь перед вашей сестрой, но не перед кем-либо ещё, — не отступает он. — Даже если моя сестра сбежала добровольно, ваш брат всё равно не имел права увозить её без ведома семьи.

Мне хочется ударить этого самоуверенного маленького ублюдка. Настолько сильно, чтобы выбить из него эту уверенность вместе с воздухом. Но я сдерживаюсь.

— Правда? — медленно усмехаюсь я. — А мы вообще в каком веке живём? Твоя сестра совершеннолетняя, и она не вещь и не обязана спрашивать у тебя разрешения, с кем ей быть и куда ехать.

— Хватит, Неро, — наконец вмешивается Азель. — Извинись и отойди.

Но я демонстративно даже не смотрю в его сторону. Вместо этого сразу подхожу к Дани и крепко прижимаю её к себе, наконец позволяя себе вдохнуть знакомый запах и убедиться, что она действительно рядом. Я безумно скучала по своей маленькой засранке. И одновременно мне всегда больно смотреть на неё, потому что с каждым годом она всё сильнее становится похожа на нашу мать.

Я осторожно отстраняюсь и беру её лицо в ладони, внимательно вглядываясь в глаза.

— Я должна знать о чём-нибудь, связанном с этими людьми?

Дани быстро качает головой и начинает жестами объяснять, что они ничего ей не сделали.

— Точно? — спрашиваю я уже жёстче.

Она сразу кивает снова, и я вижу по её глазам, что сейчас она говорит правду. Испуганной она не выглядит. По крайней мере, не из-за Аркези.

Но вопросы о том, как именно они вообще сумели её забрать, я задам ей потом наедине.

— Неро даже не знал, что она немая, — вдруг раздаётся голос Ливиан. — Он думал, она просто молчит от страха. Как жаль.

И в этот момент внутри меня что-то резко темнеет. Я медленно поворачиваю голову к этой женщине, которую ненавижу, наверное, сильнее любого другого человека на этом острове,

после отца конечно. И единственное, чего мне сейчас по-настоящему хочется, — убить её прямо здесь.

Но сильнее злости меня ударяет другое. Я резко перевожу взгляд на Азеля. Откуда она знает? О Дани и её немоте знают единицы. Люди, которых можно пересчитать по пальцам. Неужели он действительно рассказал своей жене? Но Азель едва заметно качает головой, и одного этого движения мне хватает, чтобы понять — нет. Он бы никогда этого не сделал.

Я снова смотрю на Ливиан и медленно направляюсь к ней. Она старается держать лицо, как всегда, но я слишком хорошо вижу напряжение, застывшее в её плечах и глазах. Мы просто смотрим друг на друга с такой ненавистью, будто готовы разорвать друг друга прямо здесь. Я останавливаюсь рядом и нависаю над ней, пока она продолжает сидеть.

— Моя сестра наполовину Серрани, наполовину Бальдисерри, — произношу я тихо и медленно. — И какой бы она ни была, она всегда будет в сотни раз выше тебя.

Она сжимает челюсть, но молчит.

— А какое достижение есть у тебя? — продолжаю я с холодной усмешкой. — То, что ты удачно раздвинула ноги перед Аркези и сумела забеременеть? Что ещё?

Я специально бью по самому больному месту. И по тому, как резко расширяются её глаза, понимаю — попала точно. Она сжимает кулаки, изо всех сил удерживая себя на месте. И, Господи, как же сильно мне хочется, чтобы она всё-таки ударила меня первой. Тогда у меня появится идеальный повод уничтожить её, и никто на этом острове не посмеет сделать мне за это ничего. Абсолютно ничего. Я могла бы убить её даже без причины и всё равно остаться безнаказанной. Но я никогда не опущусь до такого из-за мужчины. Даже из-за Азеля.

Ливиан переводит взгляд сначала на мужа, потом на Неро, явно ожидая поддержки. Но не получает её. Потому что в моём присутствии — и тем более против меня — никто из Аркези никогда не рискнёт встать на её сторону.

Я медленно отхожу от Ливиан, оставляя её сидеть в этом унижительном молчании, с дрожащими от ярости руками и лицом, на котором едва держится остаток достоинства. А потом она резко вскакивает и практически выбегает из гостиной. Я лишь усмехаюсь ей вслед. Она тоже прекрасно знает правила этой игры. И знает, что ещё много лет назад я ясно дала понять всем вокруг: в моём присутствии лучше очень внимательно следить за языком. Особенно если речь заходит о моей семье.

— Идём, Дани, — спокойно говорю я сестре.

Она сразу подходит ближе. Только после этого я наконец перевожу взгляд на Азеля. И, Господи, как же сильно я ненавижу тот факт, что даже спустя столько лет моё тело всё ещё реагирует на него раньше разума.

— Кто-то из старших уже в курсе происходящего? — спрашиваю я холодно.

— Нет, — отвечает он после короткой паузы. — И, думаю, не стоит их вмешивать.

В его голосе слышится усталое раздражение человека, который уже заранее представляет, во что всё это может превратиться, если информация дойдёт до глав семей.

— Согласна, — усмехаюсь я. — Только лишнего шума этим старпёрам сейчас и не хватало.

А затем мой взгляд медленно скользит к Неро.

— Но это не значит, что ты должен оставить всё безнаказанным.

Неро заметно напрягается, но всё же удерживает лицо.

— Заверяю вас, подобное больше не повторится, — спокойно отвечает он, а затем переводит взгляд на Дани. — И... ещё раз извините меня.

Дани лишь коротко кивает, принимая извинения куда легче, чем это сделала бы я, после чего первой направляется к выходу.

Я тихо усмехаюсь.

— Конечно, не повторится, Неро. А если вдруг повторится... твой брат очень подробно расскажет тебе, что именно я с тобой сделаю.

Я произношу это почти кокетливо, даже не скрывая лёгкой насмешки, и тоже направляюсь к двери.

Но стоит мне переступить порог, как всё происходит слишком быстро. Сильные руки внезапно ложатся мне на талию, резко притягивая ближе, а знакомое горячее дыхание касается виска.

— Буду ждать.

Его голос звучит тихо, почти хрипло, прямо мне в ухо, заставляя по телу пройти волну предательских мурашек. А затем Азель медленно вдыхает запах моих волос и оставляет короткий поцелуй на макушке — слишком привычный, слишком личный жест для людей, которые давно должны были стать друг другу чужими. И всё это длится буквально секунду. Настолько быстро, что любой другой человек мог бы решить, будто ему просто показалось. Но не я. Я слишком хорошо знаю эти руки. Этот голос. Это чёртово чувство, когда рядом с ним у меня внутри всё начинает разрушаться одновременно с тем, как оживает.

На ватных ногах я продолжаю идти следом за Дани, делая вид, будто ничего не произошло. И в очередной раз ненавижу и себя, и собственную душу за то, что они всё ещё так реагируют на Азеля Аркези.

— Я надеялась сделать тебе сюрприз своим приездом, принцесса, но, похоже, сюрпризом решила стать именно ты, — говорю я, откидываясь на сиденье, когда машина наконец выезжает от дома Аркези.

Дани тут же начинает показывать жестами:

— Я знала, что ты приедешь.

Я поворачиваю голову и внимательно смотрю на неё.

— И откуда же?

— Слышала, как мачеха говорила об этом по телефону.

Несколько секунд я просто перевариваю услышанное, а потом чувствую, как внутри медленно поднимается злость.

— Откуда эта шлюха знает, что я прилечу? Откуда, блядь? Потому что есть только два варианта: либо отец до сих пор следит за каждым моим шагом, либо рядом со мной завелась крыса, которая исправно докладывает ему обо всём происходящем.

Дани пожимает плечами.

— Что ж, значит, Нэнси придётся найти эту крысу. Мне не нужны люди, которые готовы продать меня за улыбку, деньги или одобрение моего отца. Предатели плохо заканчивают независимо от того, на чьей стороне они стоят.

Я отворачиваюсь к окну, наблюдая за дорогой, но мысли уже крутятся совсем вокруг другого. Вокруг неё. Вокруг того, что она натворила. Потому что чем дольше я думаю, тем меньше верю в историю с похищением.

— А теперь расскажи мне, почему ты сбежала из дома.

У Дани мгновенно расширяются глаза. Вот именно. Потому что мы обе прекрасно понимаем, что я права.

— Дани, тебя невозможно похитить из этой грёбаной крепости. Мы с тобой обе знаем, что ты никогда никуда не выходишь одна. Ты не гуляешь по Бастии, не шатаешься по улицам, не ходишь по магазинам и вообще стараешься лишний раз не покидать территорию дома. Вся твоя жизнь проходит между комнатой, садом и несколькими местами, где ты ещё чувствуешь себя хоть немного безопасно. Поэтому существует только один вариант: ты ушла сама.

Она сразу опускает голову.

— И не смей мне врать. Я всё равно узнаю правду, просто потрачу на это чуть больше времени.

Она кусает губу. Стыдится. Будто ей вообще есть за что стыдиться. Я смотрю на неё и чувствую, как внутри начинает медленно закипать что-то тяжёлое и очень знакомое.

— Он снова бил тебя?

Она не отвечает. Не показывает ни одного жеста. Не поднимает глаз. И этого оказывается достаточно.

Я резко подаюсь вперёд и дёргаю край её толстовки вверх. Она вздрагивает от неожиданности, пытаясь перехватить мои руки, но уже поздно. Под тканью снова проступают синяки, ссадины и следы ударов — старые, новые, почти сошедшие и совсем свежие. Их настолько много, что взгляд невольно начинает перескакивать с одного на другой, а внутри меня поднимается ярость, от которой всегда становится трудно дышать. Самое мерзкое заключается в том, что я даже не удивлена. Наверное, какая-то часть меня с самого начала знала, что увидит именно это, просто до последнего надеялась ошибиться.

Медленно отпустив ткань, я отворачиваюсь к окну и несколько секунд молчу.

— Этого бы не случилось, если бы ты не заставила меня уехать, Дани. Если бы я осталась рядом, никто бы не посмел сделать с тобой такое.

Она тут же хватается за руку и начинает быстро показывать жестами, торопливо, почти сердито, словно этот разговор раздражает её не меньше моего.

— Я всё это переживу.

Конечно. Как всегда. Сначала о других, потом о себе.

— Мы долго терпели.

Я закрываю глаза. Потому что уже знаю, что увижу дальше.

— Но тебе нельзя было оставаться рядом.

Вот оно. Вот её любимое оправдание. Спасать меня. Даже когда спасать нужно её.

— Потому что, после себя ты не оставляешь руины или развалины. После тебя остаётся только пепел.

Я невольно усмехаюсь. Потому что спорить бессмысленно. Она слишком хорошо меня знает.

— Рано или поздно этот пепел уничтожил бы и тебя тоже. Поэтому ради нас обоих ты должна была уехать.

Несколько секунд я просто смотрю на неё, а потом резко притягиваю к себе и крепко обнимаю. Так крепко, будто хочу отгородить её от всех прошлых лет сразу, от всего, что она пережила без меня, и от всего, что ей ещё только предстоит пережить.

— Я больше никуда не собираюсь уезжать. Осталось совсем немного времени, принцесса. Совсем немного. Скоро ты станешь совершеннолетней, и тогда я заберу тебя оттуда навсегда. Не на день, не на неделю и не на очередной скандал с отцом. Навсегда.

Я заставляю её посмотреть мне в глаза.

— Но мне очень не нравится происходящее. Этот сукин сын никогда ничего не делает просто так. Если он до сих пор не перевернул остров вверх дном из-за твоего побега, значит, уже что-то задумал. Какой-то план. Какую-то очередную дрянь. Поэтому будь начеку. Хорошо?

Она кивает. Потом снова показывает жестами:

— Что мы скажем ему, когда вернёмся домой вместе?

Я смотрю на неё несколько секунд, а потом усмехаюсь.

— Ничего.

Она вопросительно хмурится.

— Мы не обязаны перед ним оправдываться. Пусть думает что хочет. Пусть бесится. Пусть строит теории, ищет виноватых и ломает голову над тем, что происходит. Мне плевать.

— И пусть только попробует снова приблизиться к тебе, — тихо говорю я, продолжая смотреть вперёд. — Не переживай. Придёт время, и мы обе избавимся от этих грёбанных цепей,

которыми он держит нас столько лет. А когда это время наступит, ему придётся заплатить за всё, что он сделал.

Дани снова прижимается ко мне, а я обнимаю её одной рукой и смотрю на дорогу. Я вернулась на этот проклятый остров. Вернулась в эту чёртову Бастию.

С одной стороны меня ждёт отец, которого я с удовольствием придушила бы собственными руками. С другой — сестра, ради которой я способна устроить войну со всем миром. А где-то между ними находится Азель Аркези — человек, который спустя столько лет всё ещё умудряется выводить меня из равновесия одним своим существованием. И хуже всего то, что этот ублюдок прекрасно это знает.

«Буду ждать».

Я до сих пор слышу его голос у себя в голове и чувствую прикосновение его рук так отчётливо, будто это произошло секунду назад. Сукин сын. Пусть ждёт. Очень долго ждёт. Потому что предателей я не прощаю. Даже тогда, когда какая-то глупая часть моей души всё ещё любит их сильнее, чем следовало бы.

Глава 2 - Азель

Она не приехала. Конечно же, не приехала. И на что я вообще рассчитывал? Что Руна так просто возьмёт и явится туда, где её ждут? Что после одного брошенного ей вслед «буду ждать» она послушно появится в назначенном месте? Нет. Мы никогда так не работали.

Когда мы порознь, со стороны может показаться, будто мы давно стали чужими людьми. Будто между нами ничего не осталось. Будто годы, проведённые вместе, всё то безумие, через которое мы прошли, и всё дерьмо, которое успели натворить друг другу, наконец остались в прошлом. Но стоит нам оказаться рядом, как эта иллюзия рассыпается в прах. Тогда становится очевидно, что мы никуда друг от друга не делись. Просто Руна любит играть. И больше всего ей нравится заставлять меня гоняться за ней. Нравится исчезать, зная, что я всё равно пойду следом. Нравится делать вид, будто она ускользает, хотя мы оба прекрасно понимаем: если бы она действительно хотела исчезнуть, я бы её не нашёл. А раз она оставляет следы, значит, хочет, чтобы я их видел. Поэтому всё происходит именно так, как обычно происходит у нас. Она убегает. Я иду следом. И, если быть честным, я слишком сильно соскучился по ней, чтобы сейчас испытывать что-то кроме извращенного удовольствия от этой очередной игры.

Достав телефон, я набираю номер.

— Где она?

— В спа-салоне в отеле.

На моих губах появляется усмешка. Конечно. После перелёта, скандала, угроз и очередного маленького апокалипсиса в исполнении Руны Серрани это даже звучит логично.

Отключившись, я выхожу из домика, который когда-то был нашим местом, и направляюсь к машине. У нас всегда всё было ненормально. Мы могли месяцами не разговаривать и не видеться. Могли жить на разных концах света. Но это никогда ничего не меняло. Я знаю о каждом её шаге. Она знает о каждом моём. Всегда знала и всегда будет знать. Мы следим друг за другом так давно, что уже даже не воспринимаем это как нечто странное. Это просто часть нас. Такая же естественная, как дыхание. Потому что я прекрасно знаю: как бы сильно Руна ни игнорировала меня, ни отталкивала и ни пыталась делать вид, будто ей плевать, она считает меня своей собственностью. И не дай бог кому-нибудь этого не понять. Я бы уже давно лежал в могиле. Не то чтобы у меня хоть когда-нибудь возникало желание не быть её собственностью. Проблема лишь в том, что она точно так же является моей. Поэтому я тоже знаю каждый её шаг. Знаю, в какой стране она просыпается, в каком городе засыпает, с кем ужинает, кого терпеть не может и кого собирается уничтожить. И Руна прекрасно понимает, что люди, которые подходят ко мне слишком близко, рискуют не меньше, чем те, кто решает приблизиться к ней. Она много раз пыталась дразнить меня этим. Очень много раз. Потому что жалость — чувство, которым моя злодейка никогда не страдала. Если ей хотелось вывести меня из себя, она делала это без колебаний. Её совершенно не волновало, что станет с людьми, которых она использует для своих игр. Если Руна чего-то хотела, весь остальной мир автоматически переставал иметь значение. Чужие чувства, чужие проблемы и чужие судьбы её никогда особенно не интересовали, если они стояли между ней и её желанием. И, наверное, именно это всегда сводило меня с ума сильнее всего. Любой другой человек давно бы начал её бояться. А я за все эти годы так и не научился.

У нас всегда было так. Все всегда знали, что мы значим друг для друга. Знали раньше, знают сейчас и будут знать дальше, просто предпочитают старательно игнорировать этот факт ради собственного спокойствия, потому что люди вроде нас никогда никому не принадлежали и не будут принадлежать. Нас невозможно удержать, невозможно заставить отказаться от своего решения и уж тем более невозможно разлучить, если мы сами этого не захотим. Проблема лишь в том, что Руна считает меня предателем. Предателем, который не выбрал её, хотя именно в этом она ошибается больше всего. Я всегда выбирал её — во всех решениях, поступках и

ошибках, которые совершал за свою жизнь, и всё, что произошло тогда, тоже было связано только с ней, а не с другой женщиной, не с семьёй и не с чьими-то интересами, потому что, как бы она ни пыталась убедить себя в обратном, всё это изначально делалось ради неё. Но Руну это никогда не волновало.

Ей плевать, что именно произошло тогда, по какой причине это произошло и что против меня была разыграна настолько грязная и продуманная партия, что даже спустя годы мне хочется свернуть шеи некоторым её участникам. Её не интересует, что другая женщина оказалась в моей постели не случайно, что всё было подстроено и что в ту ночь я стал частью чужого плана, который даже не видел до самого конца. Для Руны существует только результат, а результат выглядит предельно просто: от меня забеременела другая женщина, а значит, всё остальное автоматически перестаёт иметь значение.

Именно поэтому она не прощает, не отпускает и не впускает меня обратно в свою жизнь, причём не потому, что не знает правды, а потому, что знает её слишком хорошо и всё равно считает недостаточной. Руна никогда не умела проигрывать — ни в бизнесе, ни в семье, ни в любви, — а если она считает что-то своим, то не собирается делить это ни с кем и ни при каких обстоятельствах. Для неё не существует компромиссов в подобных вопросах, поэтому всё, что произошло между нами, она воспринимает исключительно как предательство, которое невозможно оправдать никакими обстоятельствами.

Наверное, именно поэтому мы и оказались там, где находимся сейчас. Не потому, что она меня не любит или я её не люблю, и уж точно не потому, что кто-то из нас сумел отпустить другого. Всё гораздо хуже, потому что Руна просто не хочет впускать меня обратно в свою жизнь, а я, как последний идиот, до сих пор ищу способ открыть дверь, которую она захлопнула передо мной много лет назад.

Впрочем, даже её ненависть имеет границы. Единственная причина, по которой Ливиан до сих пор жива, заключается вовсе не в доброте, милосердии или прощении. Просто Руна считает ниже собственного достоинства делать хоть что-то ради мужчины, даже если этим мужчиной являюсь я. Она способна воевать со мной, уничтожать меня, ненавидеть меня и превращать мою жизнь в персональный ад, но никогда не станет воевать за меня, потому что скорее сожжёт весь мир вокруг, чем опустится до борьбы с другой женщиной за мужчину. Именно поэтому Ливиан продолжает спокойно жить своей жизнью — не потому, что её простили или пожалели, а потому, что Руна посчитала её недостойной собственного внимания.

И всё же в одном она ошибается. Как бы сильно ей ни хотелось верить в обратное, я никогда не выбирал другую женщину вместо неё. Я всегда выбирал её, каждый раз делая выбор между правильным и нужным, между безопасным и опасным, между тем, что выгодно, и тем, чего на самом деле хочу. Всё, что я делал тогда и делаю сейчас, было связано только с ней, потому что единственная женщина, которую я когда-либо выбирал осознанно, понимая последствия и заранее соглашаясь платить за них любую цену, всегда была и остаётся только Руна Серрани.

В машине я переодеваюсь, натягиваю поверх него толстовку с капюшоном и надеваю тёмные очки. Не то чтобы меня всерьёз волновало, узнает меня кто-нибудь или нет. Во-первых, у меня здесь свой вход и свои люди, а во-вторых, скрываться от мира я никогда особенно не любил. Куда сильнее меня сейчас занимает мысль о том, что Руна наверняка уже знает о моём появлении и, скорее всего, ждёт его, просто по своему обыкновению делает вид, будто ей абсолютно всё равно.

Через холл я направляюсь к лифтам и поднимаюсь на нужный этаж. У дверей меня встречает Нэнси. Она лишь коротко кивает, даже не пытаясь остановить или предупредить хозяйку о моём появлении. Я знаю, что Руна проверяла её вдоль и поперёк, прежде чем подпустить настолько близко, но и я в своё время сделал то же самое. Найти по-настоящему преданного

человека сложно, а удержать рядом ещё сложнее. Такая верность не возникает из воздуха. За ней всегда стоят доверие, поддержка и готовность пройти через многое вместе.

Я прохожу внутрь и сразу замечаю за матовым стеклом душевой знакомый силуэт. Господи. Как же я по ней соскучился. Настолько, что даже размытые очертания её тела действуют на меня сильнее, чем любая женщина за последние годы. Мне приходится напомнить себе, что ворваться к ней прямо сейчас — плохая идея, даже по моим меркам. Хотя, если быть честным, желание именно так и поступить становится только сильнее от осознания того, сколько времени прошло с нашей последней встречи.

Поэтому, когда шум воды наконец стихает, я прячусь, потому что хочу увидеть её настоящую реакцию. Не ту холодную невозмутимость, которую она демонстрирует окружающим, не ту маску высокомерной стервы, за которой привыкла прятать всё на свете, а первую эмоцию, которая появится на её лице раньше, чем она успеет взять себя в руки и снова стать Руной.

Я слышу, как открывается дверь душевой. Слышу её шаги. И в который раз убеждаюсь, что судьба определённо меня ненавидит, потому что вместо прекрасного зрелища её голого тела мне достаётся лишь силуэт, обёрнутый полотенцем. Этого всё равно достаточно, чтобы внутри всё болезненно сжалось. За столько лет ничего не изменилось. Ни время, ни расстояние, ни злость, ни её ненависть так и не смогли исправить моей главной проблемы. Я по-прежнему безумно её хочу.

Она подходит к зеркалу, поправляя влажные волосы, и именно в этот момент я выхожу из своего укрытия, резко обхватываю её за талию и притягиваю к себе. Она вздрагивает так сильно, что с её губ срывается тихий испуганный писк, а я едва сдерживаю улыбку. Вот она. Та самая реакция, ради которой я здесь прятался. Я прикладываю палец к губам, призывая её молчать, и несколько секунд просто смотрю в глаза женщины, по которой скучал гораздо сильнее, чем готов когда-либо признать вслух.

Сначала на её лице появляется искреннее удивление. А затем всё исчезает, словно и не существовало вовсе, уступая место привычному высокомерию и ледяному спокойствию. Моя девочка снова надевает броню.

Её ладони ложатся мне на грудь, а я второй рукой ещё крепче притягиваю её к себе, касаюсь своим лбом её лба и жадно вдыхаю аромат её кожи, шампуня и чего-то ещё неуловимо родного, отчего внутри становится одновременно легче и гораздо хуже.

— Кто бы сомневался, что ты припрёшься, — произносит она с ленивой усмешкой, словно не было ни разлуки, ни ненависти, ни всего того безумия, через которое мы прошли. Я улыбаюсь в ответ, чувствуя, как сердце впервые за долгое время начинает биться правильно.

— Ты сомневалась, моя злодейка? — тихо спрашиваю я, не отпуская её ни на сантиметр.

— Это всё равно не озна... — начинает она, но я не даю ей договорить, впиваясь в её губы так жадно и отчаянно, будто всё это время жил без воздуха, а сейчас наконец получил возможность вдохнуть.

Она вздрагивает от неожиданности. Первые секунды замирает, не отвечая на поцелуй, и даже пытается оттолкнуть меня, но я лишь крепче прижимаю её к себе, чувствуя, как внутри поднимается почти болезненная потребность убедиться, что она действительно здесь, а не очередная грёбаная фантазия, которая преследовала меня долгое время.

— Дай мне сначала почувствовать тебя, — выдыхаю я ей в губы, тяжело и прерывисто дыша. — Потом будем ругаться, потом ты снова начнёшь оскорблять меня, потом напомнишь, какой я убоженок. Этого всё равно не избежать, Нана.

Услышав прозвище, которое я когда-то придумал для неё ещё в детстве, она смотрит на меня совсем иначе. Всего на мгновение. Но этого мгновения хватает, чтобы я увидел в её глазах ту тоску, которую она обычно прячет от всего мира так же тщательно, как прячет слабости, страхи и чувства. Я снова целую её. Не даю ни себе, ни ей времени подумать. Не даю

возможности разрушить этот момент. На этот раз она отвечает. Так, как мне было необходимо. Так, как я мечтал. Так, будто сама устала сопротивляться.

Наверное, самой большой ошибкой в моей жизни было позволить себе привязаться к этой девчонке ещё тогда, когда мы были детьми. А ещё большей ошибкой стало постоянно играть с ней, потому что в итоге всё закончилось тем, что игрушкой оказался я сам. Только вот проблема в том, что мне это нравится гораздо больше, чем следовало бы нормальному человеку.

Я прижимаю её к себе ещё сильнее, буквально вдавливая в своё тело, жадно целую и не в силах насытиться. Её руки хаотично скользят по моей шее, затылку, волосам, цепляются за меня так же отчаянно, как я цепляюсь за неё, а каждый её ответный поцелуй лишь сильнее разрушает остатки самообладания, которые я ещё каким-то чудом удерживаю.

Подхватив её, я усаживаю на раковину и устраиваюсь между её ног, не позволяя оставить между нами даже сантиметра расстояния. Мои губы медленно скользят от её рта к шее, затем к ключицам и ниже, словно я пытаюсь наверстать все те прикосновения, которых был лишён за это время, запомнить заново каждый сантиметр её тела и убедиться, что время действительно оказалось бессильно перед моей зависимостью от неё. А потом, как дикарь, срываю с неё полотенце и отбрасываю в сторону.

— Злодейка, я обязательно насажу тебя на своё лицо и буду продолжать удовлетворять, пока ты, заикаясь и дрожа всем телом, не начнёшь умолять меня остановиться. Но сейчас я на грани безумия, и мне нужно быть внутри тебя, — произношу я, разглядывая каждый дюйм её прекрасного тела.

Мы оба тяжело дышим. Но сейчас это не выглядит как война двух людей, которые ненавидят и любят друг друга одновременно. Сейчас это больше похоже на столкновение двух стихий, которые слишком долго были разделены и наконец получили возможность снова соприкоснуться.

Я медленно поднимаю взгляд от её длинных ног выше, к изгибам талии, груди, влажной коже и рассыпавшимся по плечам волосам цвета мрачной темноты, а потом встречаюсь с её глазами и на несколько секунд просто забываю, как дышать. Господи, эти глаза. Зелёные, опасные, безжалостные. Глаза женщины, которая способна уничтожить меня одним словом и прекрасно это знает.

Руна прикусывает губу и продолжает молчать. Не потому, что ей нечего сказать. Наоборот, я уверен, что в её голове сейчас крутится сотня язвительных замечаний, упреков и обвинений, которыми она с удовольствием бы меня уничтожила. Но она молчит, потому что понимает то же самое, что понимаю я: стоит кому-то из нас сейчас открыть рот, и этот момент закончится. А сейчас нам обоим это не нужно. Сейчас мы нуждаемся друг в друге гораздо сильнее, чем в очередном споре, потому что некоторые зависимости невозможно вылечить ни временем, ни расстоянием, ни ненавистью. И сколько бы лет ни прошло, сколько бы людей ни пытались убедить нас в обратном, рядом с Руной я всегда понимал одну простую вещь: от неё не существует лекарства. Никогда не существовало. И, если быть честным, я давно перестал его искать.

Я резко тяну её за бёдра на край раковины и снова впиваюсь в губы. Она тянет мои брюки вместе с боксёрами вниз, освобождая мой ноющий по ней член.

— Блять, я скучала! — выдыхает она соблазнительно, сжимая меня и вызывая шипение, царапая ногтями. — Но не по тебе, а по нему, — направляет мой член в себя.

Я лишь ухмыляюсь и, приподняв её бёдра, раздвигаю шире, входя в неё одним рывком. Она вскрикивает и зажимуривается, вцепляясь в мои плечи.

— Больно, — дрожит её голос.

— Знаю, злодейка, но нам это нужно, — звучу я как раненый зверь.

Мы соприкасаемся лбами, пытаюсь привыкнуть друг к другу, и она тянет вверх мою толстовку. Я бросаю её в сторону и прижимаю её к себе, застонав от удовольствия от прикосновения наших обнажённых тел, после чего наконец начинаю двигаться.

— Никогда... — толчок. — Не позволю... — толчок. — Ни одному мужчине... — толчок. — Знать... — толчок. — Какая ты на вкус... — толчок. — На ощупь... — толчок.

Продолжаю прерывисто вбиваться в неё, вызывая самые сладкие звуки, по которым сучало всё моё нутро. Она царапает мне спину, оставляя следы, чтобы любой, кто их увидит, понял, что теперь она здесь.

— Я долго не выдержу, — почти умоляюще говорит она.

— Я тоже, любовь.

На этом слове она открывает глаза и, посмотрев на меня, издаёт самый соблазнительный протяжный стон, а затем дрожит в моих объятиях, сжимая меня внутри до потери рассудка.

Не выдержав, я издаю горловой рык и изливаюсь в неё, кусая за плечо. Не только она любит помечать территорию. Эта эйфория всегда ощущается как в первый раз, и я каждый раз понимаю, что никогда не смогу ею насытиться.

— Ненавижу тебя, — тихо шепчет она, всё ещё обнимая меня.

Её голова лежит у меня на плече, а я просто закрываю глаза и вдыхаю её запах, стараясь запомнить этот момент, хотя прекрасно знаю: долго он не продлится.

Мы успокоились. По крайней мере, физически. Эмоционально всё только начинается. И дальше будет хуже. Но я готов к этому. С Руной иначе никогда не бывает.

Через несколько секунд она слегка толкает меня в грудь, давая понять, что хочет вернуть себе хоть немного пространства, и сразу отводит взгляд. На её лице появляется уже знакомое мне выражение — такое, словно она только что совершила огромную ошибку и теперь ненавидит себя за это.

Не говоря ни слова, Руна возвращается в душевую привести себя в порядок. Я молча начинаю одеваться и жду её, прислонившись к раковине.

Она выходит спустя несколько минут, тщательно вытирает волосы, медленно одевается, словно намеренно оттягивая неизбежный разговор, а потом всё-таки поднимает на меня взгляд.

— Что тебе ещё нужно, Азель? По-моему, нам давно не о чем разговаривать. За столько лет мы уже сказали друг другу всё, что только можно было сказать. Поэтому... пока? — произносит она, разведя руками.

Я устало выдыхаю.

— Прекрати, Нана, вести себя так, будто я для тебя никто.

— Не называй меня так. Мы давно выросли. И давно стали чужими друг другу.

— Мы никогда не были чужими.

— Спроси об этом свою жену и детей, — отвечает она с презрительной усмешкой.

Я лишь тяжело вздыхаю. Она выходит за дверь, а я иду следом.

Нэнси стоит почти в самом конце коридора и старательно смотрит куда угодно, только не в нашу сторону. Конечно же, она прекрасно догадывается, что происходит каждый раз, когда мы остаёмся наедине, и предпочитает держаться подальше.

Мы возвращаемся в номер. Руна проходит внутрь и устраивается в кресле. На столике её уже ждут кофе и лёгкий завтрак. Она берёт чашку в руки, а я занимаю кресло напротив. Несколько секунд мы просто смотрим друг на друга. Как всегда. Словно продолжаем разговор, который никогда не заканчивался.

— Ты же знаешь, что достаточно одного твоего слова, и всё может стать совершенно другим. Мы можем...

— Я не люблю обедать прошлым, — резко перебивает она.

Я прикрываю глаза.

— Сколько раз мне ещё это объяснять?

— Нисколько. Или хоть сотню раз. Это ничего не изменит. Я не приму тебя, Аз. Никогда. Она произносит это спокойно и жестоко. Так, словно речь идёт о погоде.

— Тогда почему ты продолжаешь следить за каждым моим шагом так же, как я слежу за каждым твоим? — спрашиваю я, не отводя взгляда.

Она невесело усмехается.

— Потому что я помешанная, больная эгоистка? Потому что кроме тебя я никого не знаю? Потому что никогда не строила ожиданий относительно других мужчин? Или потому что каждый раз, когда кто-то пытался приблизиться ко мне слишком близко, всё заканчивалось одинаково плохо? Люди либо теряли всё, либо просто исчезали из моей жизни. Выбирай любой вариант.

Я невольно морщусь.

— Ты никогда ни с кем не будешь. Ты всегда была моей, Руна. С самого детства. С того дня, как мы впервые увидели друг друга. Этого уже ничто не изменит.

Она закатывает глаза, но я продолжаю:

— Да, я знаю, что натворил. Знаю лучше, чем кто-либо другой. Но я сделал это не сознательно. Я никогда не выбирал никого, кроме тебя. И никогда не выберу. Поэтому я просто надеюсь, что однажды ты поймёшь одну очень простую вещь: либо мы в конце концов будем вместе, либо до самой смерти продолжим заниматься тем, чем занимаемся сейчас — преследовать друг друга по всему миру, следить друг за другом, вмешиваться в жизни друг друга и сводить друг друга с ума. Другого варианта не существует.

Я наклоняюсь вперёд, не сводя с неё взгляда.

— У тебя не будет жизни без меня. И у меня не будет жизни без тебя.

Она смотрит на меня несколько секунд, а потом качает головой.

— Иногда мне кажется, что тебе действительно нужна помощь.

— Возможно.

— И ты говоришь это так спокойно?

— Потому что это касается тебя.

Она раздражённо фыркает.

— Мы разговариваем так, будто не виделись несколько лет. Хотя, между прочим, чуть больше месяца назад мы стояли друг напротив друга.

— Если я не могу тебя коснуться, это не считается.

Её глаза опасно сужаются.

А я продолжаю:

— Последние несколько лет мы виделись постоянно. Только ты не подпускала меня к себе ближе чем на несколько десятков метров. И мне десятки раз приходилось выставять себя идиотом, чтобы изменить это.

— Что правда, то правда, — усмехается она с откровенным злорадством.

— И я ни капли этого не стыжусь.

Она поднимает бровь.

— Вообще?

— Вообще.

Я откидываюсь на спинку кресла и смотрю на неё так, как смотрел всегда.

— Я сделаю всё на свете, чтобы быть рядом с тобой. Иногда мне достаточно просто находиться в одном помещении, смотреть на тебя и слышать твой смех. Но иногда этого становится мало. Потому что ты нужна мне так же, как воздух нужен человеку после долгого погружения под воду.

На этот раз она ничего не отвечает. Лишь крепче сжимает чашку. А я позволяю себе улыбнуться.

— Поэтому, как только ты вернулась на Корсику, я понял кои что.

— Что же?

— Моё мучение наконец закончилось.

— Неправильные выводы и неправильные ожидания. Твои мучения, связанные со мной, никогда не закончатся, — бросает она в мою сторону острый взгляд.

— А я и не против мучиться, если причина — ты, — отвечаю я.

Она лишь снова закатывает глаза.

— Ну что, поговорим о чём-нибудь другом? Раз уж любовные темы упорно никуда нас не приводят, — развожу я руками.

Она делает ещё один глоток кофе и некоторое время молчит, задумчиво глядя в окно, а потом наконец отвечает:

— Я останусь здесь до тех пор, пока Дани не станет совершеннолетней. А потом заберу её навсегда из клетки этого чудовища. Мы исчезнем.

Она произносит это спокойно, словно говорит о давно утверждённом плане, который существует уже много лет и не подлежит обсуждению.

— Я видел следы на её теле. Этот ублюдок продолжает её бить. Только одного я не понимаю, — признаюсь осторожно. — Ты давно могла избавиться от него. Особенно после смерти твоей матери, когда вся империя и власть Бальдисерри оказались в твоих руках. Почему ты до сих пор этого не сделала?

Она усмехается и медленно ставит чашку на стол.

— Потому что всё не так просто. По той же причине, по которой я до сих пор не избавилась от тебя, Азель. Просто уничтожить его было бы слишком легко. Он умрёт — и всё закончится. Никакой расплаты. Никакого продолжения. Никаких последствий для него самого. А это слишком милосердно. Он был хуже Сатаны, и всё, что он сделал с мамой, со мной и Дани, не может закончиться быстрой смертью. Я хочу ударить его по самому больному месту. Хочу, чтобы он мучился и страдал. Чтобы каждый день просыпался и понимал, что теряет всё, ради чего жил. И только потом может сдохнуть.

Она хмыкает, а внутри меня поднимает голову знакомая тревога. С каждым годом Руне становится всё хуже. Каждое её возвращение на Корсику заканчивается маленьким концом света. Когда она срывается с цепи, происходят страшные вещи. То, что она сделала в последний раз, до сих пор вспоминают шёпотом, а тот факт, что она снова осталась безнаказанной, уже никого не удивляет. Впрочем, я и сам никогда не позволил бы кому-либо, включая закон, причинить ей вред. Проблема не в этом. Проблема в том, что тогда я видел её лицо. Видел, с какой лёгкостью она это приняла. Видел полное отсутствие сожаления. И именно это продолжает разрушать меня изнутри.

Сколько бы лет я ни провёл рядом с ней, сколько бы ни любил её и ни пытался понять, иногда мне кажется, что под её кожей я остаюсь чем-то чужеродным, случайным, человеком, который находится рядом, но всё равно не способен увидеть её до конца. Мы говорили обо всём на свете. Обсуждали всё, что только можно было обсудить. Знали друг о друге такие вещи, которых не знает больше никто. Даже тогда, когда были нормальными. Но я никогда до конца не понимал, что творится у неё в голове. Никто не понимал. Именно поэтому рядом с ней всегда немного страшно. Потому что Руна вовсе не бомба замедленного действия. Она ядерный взрыв, последствия которого никто не переживёт.

И при этом она всегда была особенной. Все, кому не повезло стать частью её жизни, рано или поздно начинали вращаться вокруг неё, как планеты вокруг солнца. Я — в первую очередь. Её ублюдок-отец, готовый простить ей абсолютно всё. Дани, у которой, по сути, кроме Руны никого нет. Даже её брат — избалованная, жестокая тварь, в которой, кажется, давно не осталось ничего человеческого. Но стоит ему оказаться рядом с ней, и он превращается в послушного пса. Я видел, как он смотрел на неё. Не как на сестру, а как на божество. Поэтому

долгие годы мне приходилось использовать самые разные способы, чтобы убрать из её жизни любого, кто осмеливался занять слишком много места рядом с ней.

Хотя, если быть честным, после всего случившегося я и сам не имею права претендовать на это место. Но беда в том, что мы способны выдержать только друг друга. Любой другой человек рано или поздно сломается.

И сейчас, даже просто сидя напротив неё и наблюдая, как она медленно завтракает, пьёт свой кофе и задумчиво смотрит куда-то вдаль, я понимаю, что мне достаточно этого. Просто находиться рядом и видеть её. Просто знать, что между нами сейчас не тысячи километров, а несколько метров комнаты. Конечно, это чувство всегда оказывается временным. Рано или поздно мне снова становится мало, потому что по-другому с ней не бывает.

Господи, сколько безумных планов я успел передумать за эти годы. Иногда мне всерьёз хотелось просто похитить её, увезти на необитаемый остров и прожить там с ней остаток жизни. Но с Руной так нельзя. С кем угодно можно. С ней — нет. Я слишком хорошо её знаю.

Она что-то скрывает. Что-то очень плохое. Что-то настолько тяжёлое, что даже она предпочитает держать это глубоко внутри. И меня пугает не сам секрет. Меня пугает мысль о том, что такую женщину, как Руна Серрани, вообще может что-то сдерживать.

Поэтому мне придётся искать другой путь. Выяснить, чего именно она боится. Понять, что удерживает её на расстоянии. Помочь избавиться от того, что превратилось для нас обоих в кандалы. Потому что сама она никогда ничего для этого не сделает. Никогда не признает свою слабость. Никогда не позволит кому-то решить её проблемы. Значит, всю работу придётся делать мне. Как и всегда.

— Почему ты в таком плохом настроении? Не удалось никому его испортить? — спрашиваю я с мягкой улыбкой.

— К сожалению, нет, — отвечает она неожиданно тепло. — На редкость. Сукиного сына, то есть моего отца, не оказалось дома, когда мы вчера вернулись от тебя. Он вместе с той шлюхой, которую зачем-то сделал нашей мачехой, куда-то уехал, а утром их тоже не было. Но ничего, я обязательно это исправлю.

Я невольно усмехаюсь.

— А почему не прихватила с собой Дани? Неужели она настолько не любит спа?

— Нет. Этот ублюдок настолько её задавил, что она лишний раз боится выходить из своей клетки. Я даже представить не могу, в каком состоянии она была, когда решилась сбежать из дома, понимая, что с ней будет, если он её поймает.

На мгновение на её лице появляется такая искренняя печаль, что у меня внутри всё сжимается, но она почти сразу замечает мой взгляд и привычным движением возвращает на место свою маску.

— Ну раз наши с тобой процедуры по достижению оргазма закончились и бессмысленная болтовня тоже подошла к концу, может, ты наконец уйдёшь? — устало бросает она.

— Будешь делать вид, что припёрлась сюда с самого утра исключительно ради процедур, а не потому, что соскучилась по мне? — усмехаюсь я. — Ты ведь прекрасно знала, что я ждал тебя на нашем месте. Но ты же не любишь приходить сама, да? Это к тебе должны приходить, тебя должны искать, за тобой должны бегать. Что ж, меня это устраивает. Я буду приходить столько раз, сколько понадобится. Хочу просто побыть рядом с тобой до того момента, пока ты не вернёшься домой. Хотя домом это место назвать сложно. Скорее обителью зла. Правда, я до сих пор не понимаю, кто там большее зло — твой отец или ты.

Она фыркает и всё-таки улыбается.

— Тогда отвези меня домой. Я хочу к Дани.

Поднявшись с кресла, она направляется к двери, и я лишь качаю головой, потому что с самого начала знал, чем всё закончится. И если уж быть совсем честным, в этот спа она

приехала вовсе не ради процедур. Конечно, вслух она никогда этого не признает, но и отрицать не стала, а для Руны это уже практически признание.

Выходя в коридор, я обнимаю её за талию и притягиваю к себе. Она бросает на меня короткий взгляд, но даже не пытается отстраниться.

— Нэнси, сегодня у меня новый шофёр. Поезжай домой и отдохни, — говорит она своей помощнице.

Та лишь понимающе улыбается и кивает.

Мы заходим в лифт, и я снова прижимаю её к себе. Она тяжело выдыхает, обнимает меня за талию в ответ, а я кладу подбородок ей на макушку и невольно думаю о том, насколько всё могло быть проще. На самом деле в нашей жизни слишком многое могло сложиться иначе, если бы не наши характеры, не наши фамилии и не бесконечное количество обстоятельств, которые появились задолго до того, как мы получили право хоть что-то решать самостоятельно.

Из лифта мы выходим, держась за руки. По пути к выходу на нас уже начинают оборачиваться. Конечно. Здесь все знают, кто мы такие, и ещё лучше знают, кто мы друг другу. Мне плевать на их взгляды. В своё время Руна лично позаботилась о том, чтобы каждая живая душа на этом острове знала, каким образом Ливиан появилась в моей жизни, но даже если бы она этого не сделала, я бы сделал сам. Никто не смеет думать, что в моей жизни есть место для кого-то важнее неё.

Я открываю перед ней дверь машины, помогаю сесть внутрь и занимаю место рядом. Некоторое время мы едем молча. Её ладонь лежит в моей руке, и сейчас мне хватает даже этого.

— Когда увидимся? — спрашиваю я, переплетая наши пальцы.

Она смотрит на меня усталой улыбкой.

— А когда это мы с тобой вообще планировали встречи? По-моему, последний раз такое было, когда мне было восемнадцать, а тебе двадцать. После этого все наши встречи были саботированы исключительно тобой.

Я улыбаюсь и подношу её ладонь к губам.

— Значит, как и всегда, следующую встречу организовывать снова мне?

— А когда было иначе? — лениво интересуется она, отворачиваясь к окну.

Я целую её ладонь и продолжаю удерживать в своей руке, потому что прекрасно знаю: сколько бы она ни сопротивлялась, сколько бы ни убегала и ни делала вид, что между нами давно всё кончено, мы оба слишком глубоко увязли друг в друге, чтобы когда-нибудь действительно исчезнуть из жизни другого.

Домой я возвращаюсь неохотно и каждый раз ловлю себя на мысли, что стараюсь проводить там как можно меньше времени. По сути, существует всего две причины, по которым я вообще продолжаю переступать порог этого дома. Первая — мои дети. Мои дети. Даже спустя семь лет мне иногда сложно до конца осознать этот факт. Я действительно стараюсь быть хорошим отцом, потому что они ни в чём не виноваты. Они не выбирали обстоятельства своего появления на свет, не выбирали мать и уж точно не выбирали весь тот бардак, в который оказались втянуты ещё до рождения. Но кровь Ливиан в их жилах усложняет всё гораздо сильнее, чем мне хотелось бы признавать. Девочки слишком похожи на неё. Пока ещё маленькие, но уже высокомерные, избалованные, жадные до внимания и вещей. Нам даже пришлось перевести их на индивидуальное обучение, потому что всего за один год они умудрились изрядно подпортить репутацию Аркези своим поведением. И самое неприятное заключается в том, что каждый раз, когда мне жаловались воспитатели и преподаватели, я слышал не детей, а Ливиан. Её интонации, слова, привычки, отношение к людям.

Я пытаюсь разговаривать с ними, объяснять что-то, вкладывать в них хоть часть себя, но иногда мне кажется, что они не особенно воспринимают меня как отца. Их интересует то же, что интересует их мать: как они выглядят, что о них думают окружающие и какую новую доро-

гую игрушку или вещь они смогут получить. Впрочем, это ничего не меняет. Они мои дети. Я никогда от них не откажусь и всегда буду о них заботиться, независимо от того, насколько сложными окажутся наши отношения.

И всё же иногда становится по-настоящему больно. Особенно когда я вспоминаю, как когда-то мы с Руной говорили о будущем, семье и детях. Она должна была стать матерью моих детей. И каждый раз эта мысль бьёт одинаково сильно. Если бы тогда всё сложилось иначе, если бы мы остались вместе, если бы нас не разорвали обстоятельства, чужие решения и собственные ошибки, возможно, Руна не стала бы настолько жестокой, отстранённой и холодной. Возможно, она до сих пор умела бы жить, а не существовать в бесконечной войне со всем миром.

Вторая причина, по которой я возвращаюсь в этот дом, — мои родители. Отношения между нами окончательно испортились в тот день, когда они заставили меня жениться на Ливиан, используя против меня единственное оружие, которое у них оставалось. Этого я не прощу никогда. И единственная причина, по которой я до сих пор поддерживаю с ними хоть какое-то общение, заключается в том, что сама женитьба ничего не изменила бы в отношениях между мной и Руной. Её всегда волновало не кольцо на моём пальце и не штамп в документах. Её волновало предательство.

Стоит мне переступить порог дома, как раздаётся знакомый голос.

— Не успела она вернуться, а ты уже побежал к ней?

Я даже не смотрю на Ливиан.

— И? — спрашиваю с ленивой усмешкой.

— Это уже становится жалким. Не устала играть любовницу эта шлюха?

В следующую секунду я оказываюсь рядом с ней. Настолько быстро, что она даже не успевает отшатнуться. Моя рука резко сжимает её лицо, заставляя замолчать. Глаза Ливиан округляются от испуга, а я чувствую, как внутри поднимается ярость, от которой начинает шуметь в голове.

— Не смей, — произношу я тихо, но от этого мой голос звучит только страшнее. — Никогда больше не смей произносить её имя своим ртом. Не смей оскорблять её. Не смей обсуждать её. Ты не имеешь на это никакого права.

Она пытается что-то сказать, но моя хватка становится только сильнее.

— Я всегда принадлежал ей и всегда буду принадлежать. А единственная шлюха в этом доме — это ты. Ты усыпила меня и воспользовалась мной. Ты каким-то чудом умудрилась забеременеть после этого, а теперь пытаешься вешать свой ярлык на других. Так что не смей даже открывать рот в её сторону. Ты меня поняла?

Её лицо искажается от злости и унижения, но сейчас мне плевать.

— Ты меня поняла? — повторяю я, слегка встряхнув её.

Она еле заметно кивает. Только после этого я отпускаю её. Она тут же отскакивает назад и прижимает ладонь к щеке.

— Я вообще-то мать твоих детей, — шипит она.

— И в этом виновата исключительно ты, — пожимаю я плечами. — Я никогда не отказывался от своих детей и никогда не откажусь. Но ты мне никто.

Я указываю на неё пальцем и поднимаюсь вверх, когда входная дверь снова открывается.

Один из охранников появляется в холле.

— Мистер и миссис Аркези вернулись.

Я закрываю глаза и тяжело выдыхаю. Только этого мне сейчас не хватало. Развернувшись, я начинаю спускаться обратно по лестнице.

— О, голубки вернулись? — доносится сверху голос Неро, который тоже выходит из своей комнаты.

— К сожалению, — отвечаю я.

— Что-то ты сегодня особенно счастливый.

— Поздоровуюсь, приму душ и исчезну отсюда. Желательно до того, как кто-нибудь начнёт задавать лишние вопросы.

Неро внимательно смотрит на меня.

— Что случилось?

Я медленно перевожу взгляд на Ливиан.

— Какого-то хрена весь этот дом решил, что его должно волновать то, что я встретился со своей любимой женщиной, — произношу я, специально выделяя последние слова и не отрывая взгляда от неё.

Неро морщится так, будто случайно обжёгся кипятком, а потом, к моему раздражению, начинает ухмыляться.

— А-а-а...

После чего подмигивает мне. Я лишь качаю головой. Иногда мне кажется, что мой младший брат — последний человек на этом острове, которого действительно забавляет тот факт, что вся моя жизнь давно превратилась в одну большую катастрофу по имени Руна Серрани.

— А где ваши демоницы? — спрашивает Неро, вытаскивая из вазы яблоко и надкусывая его.

— Гуляют с няней, — раздражённо отвечает Ливиан.

— А почему ты с ними не гуляешь, Ливиан? — тут же интересуется он с самым невинным видом. — Будто тебя здесь кто-то ждёт. Будто у тебя тут любящий муж, который мечтает провести с тобой время. Развивайся, социализируйся, выходи в люди. Не сиди в клетке, в которую тебя никто не запирает.

В его голосе звучит откровенная насмешка, щедро приправленная презрением. Я лишь ухмыляюсь. Кроме моей матери, Ливиан в этом доме не любит никто. Справедливости ради, её вообще мало кто любит.

Словно вспомнив о матери, судьба тут же решает посмеяться надо мной.

— Мои мальчики! — раздаётся её голос ещё до того, как она появляется в холле.

Мать входит в дом с распростёртыми объятиями, сияя так, будто отсутствовала не несколько дней, а несколько лет. Разумеется, Неро тут же идёт к ней навстречу. Маменькин сынок. Я остаюсь на месте.

Отец подходит первым, хлопает меня по плечу, и я ограничиваюсь коротким кивком. Потом ко мне подходит мать. Она обнимает меня заметно осторожнее, чем Неро, словно до сих пор не уверена, где проходит граница между нами после всех этих лет. Я легко похлопываю её по спине и отстраняюсь.

— Как прошёл ваш ежегодный медовый месяц? — тут же интересуется Неро.

— Сынок, хватит, — смеётся мать.

— А что? Мне интересно. В вашем возрасте такая активная личная жизнь вызывает уважение.

— Неро.

— Всё-всё, молчу.

Мать качает головой и наконец поворачивается к Ливиан.

— Здравствуй, дорогая.

— Здравствуйте.

Они обнимаются и обмениваются настолько фальшивыми улыбками, что меня едва не начинает тошнить.

— Вы, я так понимаю, совершенно не переживаете из-за того, что ваша дочь сейчас неизвестно где шляется с отпрыском Серрани? — спрашиваю я наконец.

Отец спокойно пожимает плечами.

— Она взрослая женщина. Что мы можем сделать?

— Не знаю. Может, хотя бы изобразить беспокойство? Весь остров знает, что этот сукин сын тот ещё ублюдок. До сих пор не понимаю, как она вообще на него повелась.

— Погуляет и успокоится, — отмахивается мать. — Он не достоин моей дочери.

Я перевожу взгляд на отца.

Иногда он выглядит настолько спокойным, разумным и уравновешенным человеком, что можно почти забыть, как именно он заставил меня жениться на Ливиан.

— Что ж, раз мы уже увиделись, я пойду, — говорю я, направляясь к лестнице.

— Я слышала, Руна вернулась, — внезапно произносит мать.

Я застываю. Всего на секунду. Но этого оказывается достаточно.

— Не понимаю, зачем она вообще постоянно возвращается сюда и продолжает позориться, находясь рядом с женатым мужчиной.

Я замечаю мерзкую ухмылку на лице Ливиан. Конечно. Она наслаждается каждым словом.

— Не знаю, мама. Может быть, потому что этот грёбанный остров принадлежит ей куда больше, чем большинству людей, которые здесь живут. Может быть, потому что её семья строила и владела половиной этого места ещё тогда, когда многие нынешние великие фамилии даже не существовали. А может, она просто устала от того, что я преследую её по всему миру, и решила вернуться туда, где всем наконец станет очевидно, что проблема никогда не была в ней.

В гостиной становится подозрительно тихо. Я смотрю прямо на мать.

— Потому что я всегда буду там, где она.

Теперь уже улыбаюсь я, без тени раскаяния.

Потом разворачиваюсь и поднимаюсь по лестнице, оставляя за спиной тишину, прекрасно понимая, что они ненавидят слышать эту правду так же сильно, как я ненавижу делать вид, будто её не существует.

Глава 3 - Руна

Выйдя из машины, я направляюсь домой на ватных ногах. Иногда мне кажется, что за моей спиной тянется целое кладбище незаконченных дел, старых грехов и секретов, которые

однажды обязательно выберутся наружу и потребуют расплаты. Я прекрасно понимаю, что рано или поздно всё это может закончиться плохо именно для меня, но иначе я не умею. Если я взялась за что-то, значит доведу до конца, даже если этот конец однажды решит забрать меня вместе с собой. Но пока для меня не существует никакого конца. Все, кто заслужил счастье, должны его получить, а все, кто заслужил наказание, обязаны дожидаться своего часа.

Стоит мне войти в гостиную, как настроение мгновенно летит к чёрту. Во главе стола сидит отец. Напротив него расположилась его шлюха, которая выглядит так, будто действительно считает это место своим. Где-то сбоку сидит Дани, сжавшаяся настолько сильно, словно мечтает раствориться в воздухе и исчезнуть из этой комнаты. Я молча направляюсь к столу, по пути открывая комод и вытаскивая оттуда бутылку антисептика. Забавно. Как будто эта дрянь способна что-то очистить. Руки — возможно. Но души? Нет. Для таких людей ещё не придумали средство.

Подойдя почти вплотную, я без единого слова со всей силы выбиваю ногой стул из-под шлюхи. Стул вместе с ней отлетает в сторону и с грохотом валится на пол. Она вскрикивает, ударяясь о паркет, а я уже откручиваю крышку и начинаю выливать антисептик прямо на неё и на перевернутый стул.

— Ты что, с ума сошла?! — начинает визжать она.

Но её голос проходит мимо меня. В ушах стоит только шум.

Она что-то кричит, возмущается, пытается отползти подальше, а я спокойно достаю из кармана зажигалку. Не хочу этого делать только по одной причине — не хочу, чтобы Дани знала, что я курю. Она расстроится. Но я надеюсь, что этот момент ускользнёт от её внимания.

Увидев зажигалку в моей руке, шлюха резко бледнеет. Её глаза становятся огромными, а сама она начинает отползать назад так быстро, будто увидела перед собой дьявола. Я щёлкаю крышкой и небрежно бросаю зажигалку к стулу. Огонь вспыхивает мгновенно. Пламя с жадностью облизывает дерево, ткань и остатки антисептика, быстро разрастаясь по полу. Отец продолжает ужинать так, словно ничего особенного не происходит. Дани смотрит только на меня. Не на огонь и не на истеричную шлюху. На меня. Тем самым взглядом, который появляется у неё каждый раз после подобных сцен. Будто она переживает, что пострадаю именно я. Хотя всё это давно стало привычным для каждого человека в этом доме. Для каждого, кроме новой королевы помойки. Но если уж она решила поселиться здесь, то должна была хотя бы поинтересоваться, с кем именно собирается жить под одной крышей.

Я спокойно беру ближайший стул, переставляю его на своё место и усаживаюсь за стол. Домработницы тут же бросаются тушить огонь. После некоторых событий им пришлось научиться делать это очень быстро. Одну из них я подзываю к себе и указываю взглядом на стейк. Женщина вздрагивает и дрожащими руками перекладывает его на новую тарелку, потому что тарелка шлюхи несколько секунд назад отправилась в стену и разлетелась на куски.

Я начинаю есть, хотя совершенно не голодна, и всё это время не отрываю взгляда от лица отца. Он лишь ухмыляется. Как всегда. Будто наблюдает за представлением.

— Сука! Дорогой, ты так и будешь молчать? Ты вообще ничего не скажешь? — начинает истерить его жена.

Отец лениво разводит руками.

— Это её дом. Она никогда не любила разговаривать словами. Предпочитает более наглядные способы общения. Что я могу поделать? Ребёнок.

Она собирается что-то ответить, но в следующую секунду взгляд отца становится холодным и тяжёлым. Этого оказывается достаточно. Шлюха моментально замолкает, бледнеет и поспешно отступает назад.

Я даже не смотрю в её сторону.

— Почему на столе нет еды, которую любит моя сестра? — обращаюсь я к домработнице.

Она замирает и опускает взгляд в пол.

— Ещё раз такое увижу — больше никогда и нигде не найдёте себе работу. А теперь у вас пять минут. Сделайте ей гречневую лапшу с тофу и овощами.

Женщина почти бегом исчезает на кухне.

Потому что я прекрасно знаю: если хозяева дома позволяют не уважать кого-то из семьи, очень быстро это начинают делать все остальные. Слуги, охрана, водители, даже собаки. Поэтому иногда людям приходится напоминать элементарные вещи. Например, кому именно принадлежит этот дом. И уж точно не женщине, которая неизвестно из какой дыры сюда выползла. Этот дом принадлежит мне, Дани и даже нашему тупому брату.

Дани смотрит на меня слабой улыбкой, за которой привычно прячется беспокойство. Как только мы останемся вдвоём, она завалит меня вопросами, потом начнёт осуждать, потом переживать за меня сильнее, чем за саму себя, а потом снова попытается убедить, что однажды я всё-таки зайду слишком далеко.

Моя малышка. С самого детства ей пришлось слишком тяжело. Хотя даже она не представляет, насколько тяжело пришлось мне. Но мы сделаны из разного теста. И есть вещи, которые она никогда не должна узнать. Никогда.

Я отвлекаюсь от своего грёбаного отца, когда перед Дани наконец появляется её еда. Домработница почти бегом приносит еду, и я замечаю, как у сестры светлеют глаза. В этом доме её желания уже давно никого не волновали, её привычки никого не интересовали, а любимая еда исчезла со стола так же быстро, как исчезло всё остальное, что могло приносить ей радость. Но теперь всё будет иначе.

Я медленно ковыряю еду вилкой, почти не чувствуя вкуса, и думаю совсем о другом. Наверняка к этому моменту уже весь остров знает, что мы с Азелем вместе вышли из отеля. Впрочем, это далеко не первые слухи о нас и уж точно не последние. Меня они никогда особенно не волновали. Более того, я искренне надеюсь, что эти слухи добрались до нужных людей, потому что некоторым полезно время от времени напоминать о собственном месте.

— Доченька, поговорим пять минут. Сейчас, — спокойно произносит отец.

Он поднимается из-за стола и направляется в кабинет, оставляя дверь открытой. И в ту же секунду паника вонзает в меня свои когти. Ненавижу это чувство всей душой. Этот кабинет — мой худший кошмар. Остаться с ним наедине — мой худший кошмар. Нет ничего на свете, что вызывало бы во мне больше страха и отвращения одновременно. Но я всё равно улыбаюсь Дани. Так, чтобы она ничего не заметила.

— Иди в свою комнату. Я скоро приду.

Она кивает, отвечая мне улыбкой, но её глаза выдают её с головой. Она переживает. Только вот она даже представить не может, что именно ждёт меня за этой дверью.

Как только я захожу в кабинет, отец закрывает дверь за моей спиной и сразу же хватается за волосы. Так быстро, что я не успеваю отреагировать. Через мгновение мой затылок с силой врежется в стену. Перед глазами вспыхивают искры. Я до крови прикусываю губу, чтобы не вскрикнуть. Как только появляется возможность, сразу делаю шаг в сторону, увеличивая расстояние между нами.

— Моё терпение на исходе, Руна. Ты это знаешь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.